

A detailed illustration of a medieval battle scene. In the foreground, two knights on horseback are prominent. The knight on the left is on a white horse, wearing a chainmail surcoat with red and gold patterns and a helmet. The knight on the right is on a brown horse, wearing a red cape and a helmet. In the background, other knights on horseback are visible, along with a red flag. The sky is filled with many small birds or arrows. The ground is snowy and icy.

Евгений
Елена
Ирина

КРАСНИЦКИЙ
КУЗНЕЦОВА
ГРАД

СОТНИК

Позиционные игры

Отрок

Евгений Красницкий

Сотник. Позиционные игры

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Сотник. Позиционные игры / Е. С. Красницкий — «АСТ»,
2018 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-108433-2

Возвращаясь из дальнего и очень непростого похода, Мишка Лисовин, конечно, понимал, что дома долго отдыхать не придется — княжья милость не подарок, а ярмо, которое повесили на него и всю сотню, но хоть на какой-то отдых он вправе был надеяться. Не срослось: дома его ждали такие подарки судьбы — хоть назад в поход беги. Позиционная война — столь же кровавая и жестокая, как и любая другая, если не хуже: именно она планирует все будущие жертвы и защищает своих. Холопский бунт, вспыхнувший в Ратном в отсутствие сотни, стоил жизни многим односельчанам, и Корней, вместо торжественной встречи, приготовил внуку «подарочек» — расправу над отроками из Младшей стражи, чьи родители по глупости пошли за бунтовщиками. Отдать мальчишек на казнь — потерять всю Младшую стражу, не отдать — пойти на открытый бунт против воеводы и сотника. Едва-едва удалось, минуя Ратное, прорваться в крепость, а там свои сюрпризы посыпались, от соседа из-за болота. И разбираться надо со всеми проблемами одновременно — и с дедом, и с теми ратнинцами, что не рады малолетнему выскочке, и с заболотными соседями, да и про княжьи дела не забывать. Ни одну партию не отложишь и дополнительное время на раздумья не возьмешь. Вот и пришлось Ратникову вести игру на всех досках одновременно, причем извернуться надо так, чтобы и самому выиграть и чтобы партнёры по игре внакладе не остались.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-108433-2

© Красницкий Е. С., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Сергеевич Красницкий, Елена Анатольевна Кузнецова, Ирина Град

Сотник: Позиционные игры

*Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих
ридеров и консультантов: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую,
Сергея Гильдермана, Лидию Иванову, Константина Литвиненко,
Наталью Немцеву, Геннадия Николайца, Александра Панькова, Юрия
Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта [http://
www.krasnickij.ru](http://www.krasnickij.ru): Дачник, Имир, иорданец, Лучик, Марья, Ульфхеднар,
Andre, aspesivcev, deha29ru, itronixoid и многих, многих других.*

© Евгений Красницкий, 2018

© Елена Кузнецова, 2018

© Ирина Град, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая

Глава 1

Ноябрь 1125 года

Дорога между Туровом и Михайловской крепостью

Как Илья исхитрился, непонятно, но обещание свое исполнил; со стороны глядя, умысел и не заподозришь. Произошло все само собой: телеги, сцепившиеся на самом въезде, пробкой закупорили ворота в Ратное, создавая затор, усугубленный скандалом, немедленно поднятым возчиками. Похоже, с мордобитием. А тут ещё небольшое стадо коров, свиней и прочих баранов, закупленное для семей артельщиков, почуяло близкое жильё, совершенно вышло из берегов и внесло свою лепту в происходящее. И уже не разобрать, по собственной ли инициативе взбесилась скотина или благодаря ловкости обозного старшины, но Илья озабоченно хлопотал в самом эпицентре этого безобразия и старательно имитировал бурную деятельность по наведению порядка в подведомственном ему хозяйстве.

Далее, в полном соответствии с теорией управляемого хаоса, все понеслось само собой по нарастающей под аккомпанемент криков, бабьего визга, ругани, мычания, блеяния и хрюканья. Мишка не на шутку обеспокоился, выдержит ли многострадальный ратнинский тын ещё и этот штурм, вдобавок к тем двум, что выпали на его долю за последние месяцы.

Впрочем, на этот раз селу ничего не угрожало: ну, может, чего там потопчут-поломают, но, надо надеяться, дед порядок быстро наведет, разве что по шее кому-нибудь перепадет сгоряча. Главное, чтобы Корней, когда поймет, что происходит и как его развел любимый внучек со товарищи, не плюнул на все и не рванул верхом через село к другим воротам, которые на мост выходят. Вот тогда уже беды не миновать – публичного неподчинения своему приказу воевода не спустит. А подчиниться этому приказу сотник Младшей стражи никак не сможет. Вот тогда – все. Открытый бунт. Такое только кровью потом смывать.

«Ну, сэр, теперь все исключительно от лорда Корнея зависит. Сможет и, главное, захочет он свой гонор унять или все-таки танком попрет? Одна надежда на Егора. Он, конечно, сотнику не указ, и если тому возжса под хвост залетит, удержать его не сможет, но десятник не хуже вас понимает, чем оно обернется, так что слова, надеюсь, найдет... Даже если сразу выложит деду главное про все наши дела грешные, уже хорошо. Лорд Корней, конечно, у нас жесткий приверженец авторитарного стиля управления, то есть самодур на всю голову, но все-таки ключевое слово тут – управленец. Должен просчитывать последствия...

Должен-то должен, но пожелает ли?... Ладно, чего гадать, все сейчас и определится... Блин, что ж так медленно-то!! На тот берег перейдём, воевода следом не погонится, а так, как он задумал, уже не выйдет. Придется или разоружать нас, или воевать. Сотню поднимет? Нет, не рискнет...

Ну же! Чуть-чуть осталось... Черт побери твою в бога душу мать, давай же! Пронеси, Господи...»

Мишка с облегчением увидел, что на мост вступили последние двое отроков, и, мысленно перекрестившись, направил своего коня следом за ними. Только на въезде в лес ещё раз обернулся и перевел дух: свалка возле Ратного отсюда почти не просматривалась, да и успокаиваться там стали; деда или, не дай бог, вооруженных воинов тоже не наблюдалось, речные ворота стояли закрытые. Ну, значит, пронесло. Пока пронесло, а там разберемся...

– Илья совсем, что ли, сдурел? – подъехавший к брату Дёмка недовольно поморщился. – Представляю, что дядька Никифор деду выскажет... Всю дорогу ведь присматривался, как с обозом управляемся, а тут... А ты что, сам воеводе и не доложишь?

– Потом все, – мотнул головой Мишка. – Егор доложит. Сейчас нам в крепость надо спешить.

– Опять там нападения ждут? – Дёмка хмуро кивнул. – Ясно...

Мишка не стал разубеждать брата, но и не подтвердил его догадку кивком, оставляя себе хоть какую-то иллюзию, что не соврал – просто всей правды не сказал.

«А сказать придется, если только дед не одумается и не предпочтет сделать вид, что ничего не было. Хотя, сэр, вы на такой подарок судьбы никак рассчитывать не можете – не с вашим счастьем, как говорится. Да и не в самом Корнее дело: он уже так просто от своего слова отступить не сможет, даже если захочет. Алексей и его орлы знают – или их мочить теперь, или на своем настаивать. Но про это не сейчас, дома и в соответствии с ситуацией – после того, как станет ясно, что происходит, и на каком мы свете...»

И так пришлось Егора посвящать. Мишка, конечно, всего и ему не сказал, и сам десятник лишних вопросов не задавал, но что тот все понял, сомневаться не стоило, а вот ближникам придется объяснять подробно. Что именно – дома решит. Он и сам пока знал только то, что Сенька, поджидавший Младшую стражу на Князем Погосте, передал ему на словах от матери.

«А ведь леди Анна про Алексея все понимает... Не может не понимать. Стало быть, она от своей последней и главной в жизни любви отказалась? Пожертвовала своим бабьим счастьем ради сына. Об этом Мишка Лисовин не задумался бы даже, а вы не можете не понимать и не оценить. Мать – она и тут мать. Или уже боярыня ради рода решала? Не важно – важно, что она свой выбор сделала...»

Налегке, без обоза, те десять верст, что оставались до крепости, миновали быстро. Погони не было, однако и испытывать судьбу Мишка не хотел, так что шли на рысях, сам он так и держался сзади, а потому выехал к переправе последний и...

Ратников не сразу понял, что происходит: отроки, хоть и продолжали держать строй и соблюдать привычный порядок, тем не менее сейчас производили впечатление не воинского подразделения на марше, а ошалевшей толпы. Мальчишки замерли в седлах, все как один уставившись куда-то в небо над крепостью. Роська, стянув шлем с головы, истово крестился с просветлевшим лицом святого мученика, внезапно узревшего знамение, и беззвучно шевелил губами, вероятно произнося соответствующую случаю молитву. Прежде чем недоумевающий боярич успел развеять этот морок привычной командой, к нему подлетел обалдевший не менее всех остальных, но несмотря на это не забывший про командира и свои обязанности Дмитрий:

– Минь, видишь?! Вон...

Все ещё ничего не понимающий Мишка проследил за рукой старшины Младшей стражи и сам едва не упал с седла. Правда, его обалдение оказалось немного другого рода, чем у всех остальных отроков, но легче от этого не стало: над крепостью в восходящих потоках воздуха парил самый настоящий воздушный змей! Тот самый, каких Ратников в детстве и сам немёрно запускал, ловя ветер. Ничего особенного в его конструкции не было: ромбовидный, с положенным хвостом из мочала и разноцветных тряпочек. Только что раскрашенный не драконами или самолетами, а с нарисованным на полотнище ликом Иисуса Христа, достаточно примитивным по исполнению, но хорошо различимым на солнце, несмотря на расстояние...

«Об-балдеть – не встать! Явление Христа народу, блин! Это кто ж у нас в Александры Ивановы записался?»

Мишка поймал себя на желании хорошенько треснуться обо что-нибудь головой, чтобы привести разбегающиеся мысли в порядок. Он, конечно, в отличие от отроков, принявших этот взвившийся в небо лик то ли за божье чудо, то ли за какую чертовщину, в земном и вполне рукотворном происхождении данного явления не усомнился, но дела это не меняло. Кто здесь

и сейчас мог запустить в небо змея, кроме его современника? Случайно забредший на огонек китаец?

«М-да, сэр, каждый уважающий себя попаданец должен изобрести самогонный аппарат, построить доменную печь и встретить китайца для обучения тонкому искусству дзюдо, дзю-после, познания дао любви, ну, и секрета изготовления фарфора до кучи. Штоб было. ... Как там в анекдоте?.. Уже пятый монах Шаолиня, попадавшийся на пути, к сожалению, ничего не знал ни о кун-фу, ни о производстве фарфора, зато пытался впарить герою партию контрафактных мечей-кладенцов. Оптом со склада производителя...»

Но даже если предположить, что этого китайца с какого-то бодуна сюда занесло, пока вы воевали, то лик Иисуса Христа – явно не шаолиньских ручек дело. И позвольте напомнить вам, сэр, что Китай далеко, а вот ваш, так сказать, коллега по цеху, рядом. Месье Журавль проснулся, проникся и политического убежища попросил?

Тьфу, опять какая-то хрень в голову лезет! Отроки сейчас в религиозный экстаз массово впадут, а тут дурыю маешься! Вон, Роська уже с седла сползти пытается – не иначе, на колени грохнуться норовит, да и остальных клинит. Получите какую-нибудь секту Свидетелей Второго Вознесения на свою голову – будет вам тогда камасутра... И с вечера тоже».

– Отставить! Себя в порядок привести – рассупонились, как девки на сеновале! Поручик Василий! Приказа спешиться не было! Митька! Куда смотришь?! Я за тебя командовать буду? Видите, как нас встречают? – Мишка кивнул на парящий в небе стяг. – Сие чудо не просто так, оно нарочно для нас сделано. Молодцы! Кто-то рукодельный в крепости постарался, сообразил, как все устроить да запустить! Это полотнище, на тонких рейках натянутое и ветром подхваченное, называется змеем воздушный. Во-он бечевка, которой им управляют с земли, видна... – он обвел взглядом отроков, оживающих после его слов. – Господь наш велик и всемогущ, и фокусы дешевые, как скоморох на торжище, не показывает, а потому запомните: считать все непонятное истинным – вот залог подлинной веры¹. И в чудесах она не нуждается. Лучшее чудо то, что мы сами создаем. Вот в ЭТОМ воля Господа и чудо Его!

Последнее Мишка сказал специально для Роськи, уж больно расстроенная у того была физиономия. А для закрепления урока рявкнул:

– Смирррна! Старшина Младшей стражи, командуй!

«М-да, сэр, не романтик вы, ну вот не романтик, и все тут. Обломали весь кайф поручику. Впрочем, хорошо, что сейчас так вышло, а то уж больно легко оказалось развести его на чудо. Нет, он и впрямь только после вашего пояснения увидел и бечевку, и то, что образ рукотворный, на холсте намалеван, а ведь если бы так и осталось загадкой, потом бы искренне и с жаром всем доказывал, что в небе лик светился на облаке или что там ему почудилось-то? ПОВЕРИЛ. Потому что верит искренне и очень хочется ему чуда...»

Ратников ещё по прежней жизни не раз был свидетелем того, как искренняя жажда чуда напрочь лишала далеко не глупых людей способности здраво оценивать происходящее, словно искажала реальность в угоду их страстному желанию и вере, вписывая вещи обыденные и понятные в прокрустово ложе «чудесного». Так всяческие, не в меру расплодившиеся после перестройки, охотники за НЛО и барабашками «видели» их и даже общались с представителями внеземных цивилизаций и потустороннего мира. Страна массово «исцелялась» и «заряжала» воду перед экранами телевизоров, с которых тарасились на них с умным видом целители всех мастей, люди за сумасшедшие деньги покупали всевозможные БАДы, иногда откровенно сомнительного качества – хорошо, если безвредные – и исцелялись! Верили, потому как хотели поверить.

Вот и политикам верили точно так же. И что рынок вдруг придет и всех спасет, и что если остановить заводы и разоружить армию, а в правительство посадить представителей чужого,

¹ Тертуллиан.

откровенно враждебного государства и следовать их советам, страна с чего-то вдруг станет богатой, а все сразу счастливыми... А потом, когда вдруг выяснилось, что не станет, что иностранные специалисты заботятся прежде всего о благе собственного государства (а с какого богу им заботится о чужом, спрашивается?), что любое экономическое чудо есть всегда результат долгой напряженной работы и экономии на всем, так многие от морока очнулись и сами потом только что головой о стенку не колотились с досады – да как же нас так развели-то?

«Ведь вот оно все, невооруженным глазом различимо – и холст, и речки, и бечевка, которой этим «чудом» воздушным управляют, только включай критическое мышление и здравый смысл хотя бы на малые обороты! Пусть даже на долю секунды, а дальше оно, это мышление, своего не упустит. Так что хороший урок ребятам получился. Пусть привыкают при виде любого непонятного прежде всего задействовать исследовательскую реакцию, а уже потом «Аллилуйя!» кричать. А лучше и вовсе промолчать...»

Впрочем, курс молодого бойца по «ловле птицы обломинго» для ближников Ратникову пришлось провести ещё в дороге. И тоже благодаря Роське...

* * *

– Минь, ты не сердись только... – в участливом взгляде, казалось, отразилось все христианское смирение и сострадание к ближнему, кои он только мог изобразить. – Я спросить хочу...

– Ты чего, Рось? – Мишка воззрился на своего крестника, озадаченный, чем вызваны эти гримасы, тем паче что поручик Василий уже давно поглядывал на него с задумчивой тревогой, ерзал и момент для своего вопроса выбрал такой, когда рядом никого не оказалось. И подозрительно мялся, выказывая при этом ранее несвойственное ему смущение.

– Все же хорошо получилось. Ты теперь княжий сотник и вообще... А ты словно и не рад вовсе...

Роська набрал воздуха, словно перед прыжком и выпалил:

– Из-за Юльки, да? Думаешь, не простит? Ну ведь тебе на ней все равно никак жениться нельзя! Может, это Знамение? Раз сам князь тебе жену нашел. Она тоже поймет, что тут у тебя и выбора не было, раз Бог форсмажор посылает...

– Че-го?!

Мишка едва не поперхнулся от такого пассажа, мучительно вспоминая, когда это его угораздило так непредусмотрительно просветить падкого на филологические новинки крестника в столь специфической терминологии, как юридическое понятие «форс-мажор», и каким таким кандибобером оно у того трансформировалось в Волю Божью.

– Ну, ты ж сам говорил, что бывают такие ...э-э... объективные обстоятельства непреодолимой силы, которые не зависят от нашей воли и из-за которых невозможно исполнять договорные обязательства. А это освобождает тех, кто заключил договор, от ответственности... – торопливо объяснил Роська, по-своему расценивший изумление своего сотника. – То есть Знамение Божье, что ж ещё? Чтобы соблазна не было. Просто тогда тебе и сомневаться не надо, и перед Иулией вины твоей нет. Всевышний лучше нас разумеет, что нам всем во благо... – крестник вздохнул и сник. – Ну ты же сам говорил, что долг превыше всего почитать надобно... Вот я...

– Напомнить мне решил, что ли?

«Ну вот, сэр, первый пошел... В соответствии со сложившимся за последнее время стереотипом вам следует изобразить гнев и двинуть наглеца в ухо. Но лень – за день так намотался... И выбрал же поручик время! Хотя сами, сэр Майкл, виноваты – так до сих пор толком и не поговорили с ближниками.

Ясное дело: все отроки аж светятся, дай им волю – устроили бы чествования своего сотника и пир закатили. Ну да, как же – сам князь обласкал и возвысил. И не только вас – всю сотню в вашем лице признал не сопляками, кои у взрослых на подхвате, а воями... Вашу сотничью гривну они и своей наградой считают – и совершенно заслуженно, разумеется, считают. И Евдокию, кстати, тоже. Вот только не знают, что к ней в нагрузку прилагается, а вам пока что даже близникам недосуг объяснить, да и двумя словами тут не отделаешься...

До отъезда у него так и не нашлось времени собрать совет. И до пира княжьего казалось, что дел уже столько, что до нужника некогда добежать, а после него ещё навалилось. И сборы в дорогу, и необходимость срочно разобраться с пожалованным имением, и хоть как-то его застолбить. Место оказалось далековато от окольного города – все удобные близлежащие давно заняты посадом и огородами, – зато вполне подходило как раз своей обособленностью и выходом к реке, где можно собственную пристань соорудить. Конечно, стройку перед отъездом затевать смысла не имело, а дядюшка клятвенно обещал, что его люди обо всем, как о своем, позаботятся, про лес, надобный для работ, сговорятся, чтоб как раз за зиму привезли, закупят все иное потребное. Но хозяйский пригляд все равно требовался.

Кроме того, пришлось решать, что делать с подаренной князем ладьей: по воде она до Ратного уже не успеет дойти, не на санях же везти. Ее тоже пока что оставили в Турове, под присмотром Никифора, но перед этим сняли из оснастки все, что можно было. Дядюшке, а тем более Ходоку, Мишка таких подарков делать не собирался.

Да ещё выяснилось, что и без того немаленький обоз, который собрал в дорогу Никифор, увеличится чуть ли не втрое за счет семей строительной артели. Причем семьи эти состояли из баб с детьми и стариков со старухами – все мужи в артели. Даже отроки, чуть вошедшие в возраст, постигали науку с отцами в подмастерьях. Так что за мужей управлялись малыцы чуть старше десяти лет. Пришлось Никифору своих возниц выделять им в помощь.

И купец Григорий – дядька спасенных весной сестер одного из купеческих отроков – с собой аж двое саней чем-то нагрузил. Но это понятно: купцы для своих сыновей гостинцы с ним передали. Да и ехал Григорий не один – с женой теткой Анфисой и родичем. На купчиху Мишка особого внимания пока не обращал – баба и баба, ничем особо к себе внимания не привлекала, но вот родич этот не то чтобы не понравился, но вызвал чувство, схожее с тем, которое испытываешь при внезапной встрече с сильным и опасным зверем в лесу. Вроде как и нападать ни он, ни ты не собираетесь, проще разойтись и друг другу не мешать, но опасность, исходящую от него, всем нутром чувствуешь.

Впрочем, дядька Путята держался в сторонке, не лез никуда, не выпрашивал, не выглядывал и вообще, как сказал Григорий, давно бы уже из Турова по своим делам уехал, да вот детей погибшего побратима за своих родных почитает, потому и не мог не повидаться с ними перед отъездом. Вроде бы по-людски, все понятно, но каждый раз, проезжая мимо него, Мишка чувствовал, как у него на загривке разве что шерсть не топорщилась. И Егоровы бойцы так же реагировали, он специально наблюдал.

Впрочем, гораздо сильнее, чем этот самый Путята, и Мишку, и десяток Егора сейчас занимал отец Меркурий – новый священник, который тоже ехал с обозом. Ибо этот поп, от которого за версту разило не столько благолепием и монастырским смирением, сколько походными кострами и казармой, вызывал у них чувства не менее сильные. И озабоченность уже вполне определенную. Путята-то, кем бы он там ни был, судя по всему, на их пути встретился случайно. И хотя упускать его из внимания не стоило, но скорее на всякий случай – авось и он когда для чего сгодится: задерживаться в крепости и вообще в Турове он как будто не собирався, а вот с отцом Меркурием дело теперь предстоит иметь постоянно. А тут уж к Нинее не ходи – этот кадр далеко не тишайший отец Михаил, который особо лезть в дела сотни воздерживался, да и в крепости не часто появлялся.

Все это и много чего ещё требовалось обдумать и оценить. Особенно на фоне того, как основательно вляпалась Младшая стража и ее сотник, а вместе с ними и вся ратнинская сотня в процесс международных отношений, которые, если верить тому, что Мишка помнил из истории, вот-вот войдут в очередной переходный период, связанный с формированием нового мироустройства. Этот процесс, как ему и должно, будет сопровождаться цепочкой интенсивных региональных конфликтов и усилением конкуренции во всех сферах. А пресловутый инцидент на порогах, вероятно, есть первая ласточка грядущего передела геополитического пространства.

«Вот именно, сэр! Сами нечаянно вляпались в Большую Игру и сотню за собой потянули, так оцените для начала своё место в ней – весьма скромное, если не сказать больше, и свою линию – насколько она может соответствовать интересам вашим, а не чужого дяди.

...Создаёшь свою команду под решение всех этих тактических и стратегических задач, а сам так занят, так занят, что даже поговорить с пацанами некогда? Так с чего Роське в ухо дать вдруг захотелось?

Вам же нужны не исполнители нерассуждающие, а соратники, из которых вы собираетесь готовить управленцев высшего звена. Вот и извольте учить, потому как последствия феерического представления с князьями, пирами и сватовством к «принцессе» Дуньке им предстоит разгребать вместе с вами, сэр Майкл. Даже пешке интересно, в какое пекло ее сунут, а вам просто пешки не нужны.

А то, что Роська вот так сунулся... Ну так и хорошо, что спрашивает – хуже, если спрашивать перестанут».

– Ну и правильно, что напомнил, – усмехнулся Мишка, заметив растерянную мордаху крестника, уже, похоже, готового дать задний ход. – А вот про форсмажор ты неверно понял. Или я не так объяснил. Форсмажор – это не Воля Божия и не Знамение, а как раз то, что наступает, если этим знамением пренебречь. А потому допустить этого нам никак нельзя... Короче, на ближайшей стоянке собирай наших.

– Совет? – деловито поинтересовался Роська. – Тогда скажу Дмитрию, чтоб передовой разъезд заранее позаботился о кон-фи-де... денце... динци... – поручик было попытался выговорить трудное слово по слогам, сбился под насмешливым Мишкиным взглядом и со вздохом поправился: – Ну, чтоб не мешал никто в общем... Илью Фомича тоже звать?

– Не надо его дергать лишний раз, – покачал головой сотник. – И так у обозного старшины дел не разгрести, а мы с вами просто поговорим. Давно пора.

Лошадь – не человек, ей отдыхать надо. Когда-то, ещё в той жизни, Михаил Ратников, впервые услышав эту фразу, принял ее за шутку. И зря, между прочим. Самая что ни на есть истинная правда оказалась. Нельзя лошадей гонять без отдыха – падут. Так что хочешь не хочешь, а приходится останавливаться, кормить-поить, давать передых. Потому гужевым транспортом, как ни спешь, а все равно не сильно быстрее, чем пешком, получится, особенно если скотину с собой гнать. Спасибо, снег лег ко времени и сразу мороз встал: санный путь – это все-таки не по грязи тащиться. Но все равно, глядя на то, какую жижу из мочи и навоза оставляют за собой путники, Мишка в очередной раз задумался о правдивости исторических свидетельств о тысячах татаро-монгольских орд, передвигающихся конно по замерзшим рекам. Даже одному человеку просто пописать на снежок – ямка в сугробе до грунта, а что остаётся после табуна лошадей, Мишка сейчас наблюдал собственными глазами.

Впрочем, хрен их знает, может, как-то и шли... Слава богу, ему повторять их подвиг пока что нужды не предвиделось – своего хватало. Во всяком случае, идти по реке ни у кого и мысли не возникло – лед ненадежен.

Зато нападения татей не опасались – это же надо совсем на голову дурными быть, чтобы дергаться на такую ораву, да ещё при сопровождении оружных. Ну, и мерами безопасности не пренебрегали и от обозных требовали соблюдения общей дисциплины. Не обошлось, разумеется, без незаметных посторонним трений: дядюшка сразу же попытался повернуть все дело по-своему. Матерый купчина привык сам распоряжаться своим обозом, вот сейчас ему и в голову не пришло, что может быть как-то иначе: обоз он поведет, а Мишка с Младшей стражей и Егоров десяток при нем охраной. А потому как бы невзначай во время ужина накануне отъезда заговорил с Мишкой как о само собой разумеющемся:

– Значит так, племянш, хоть ты и сотник, да караван я веду. Илье укажу, куда становиться с саями, а ты вот что... Как выйдем, ты один десяток вперед посылай. Пусть они место для первой стоянки присмотрят. Егор со своими сзади пойдет, а мне приставь пяток отроков пошустрее, да посообразительнее, чтоб завсегда рядом держались – мало ли какое поручение отдать потребуется.

Мишка, даже не взглянув на своих, почувствовал, как сразу напряглись сидевшие тут же ближники. Уж что именно мальчишки подумали, неизвестно, но слова купца им не понравились. Присутствовавший при этом боярин Федор даже бровью не повел, от миски не оторвался, но Ратников нисколько не усомнился, что тот мимо ушей ничего не пропустил. Егор будто и не слышал разговора – его, мол, дело десятое, а уж его бойцы и подавно о чем-то своем переговаривались. Впрочем, и тут Мишка отметил – уж больно невозмутимая физиономия у десятника, прям как у отца Феофана давеча на пиру. Илья завозился на своем месте, но тут же сделал вид, что только для того, чтобы плеснуть себе в кружку слабого, словно квас, пива. Пили сегодня умеренно.

«Ловок дядюшка! Но на Федора и Егора оглядывается. Уверен, что его поддержат? Интересно, он нарочно так устроил, чтобы вы сейчас при всех или его воле покорились, или принялись спорить как пацан? А вот хрен ты угадал, анкл Ник – командир должен быть один. И это не ты. Не конвой при обозе, а обоз под конвоем пойдет. Тут уж у нас консенсуса не получится – слишком дорого мне такие поддавки обойдутся».

А кроме этого соображения было и ещё одно: дядюшку следовало медленно, но верно приготовить к тому, что собирался с ним проделать Ратников – приучить к хомуту, чтобы выскользнуть из него он уже не смог. Не он будет Лисовинов для умножения своего состояния использовать, а Лисовины его состояние на достижение своих целей поставят. Не без выгоды для купца, само собой, и выгоды, которой многое окупится, но и так, что назад у дядюшки пути уже не останется.

Пока что Никифор, как любой начинающий олигарх, воображал, что купил сотню и сможет теперь ею вертеть по своему усмотрению. Его капитал для него превыше всего – сразу и цель, и средство и способ, а сотня – инструмент для его умножения и охраны. Потому и Мишкину Младшую стражу рассматривал всего лишь как конвой при караване. О том, что может быть наоборот и, главное, что непременно будет наоборот, он не догадывался.

«Рассуждая в терминах теории управления, точнее, её составной части – теории игр, дядюшка сам себя видит не НА доске, а ЗА ней – игроком, а не фигурой. Что его оценка в корне неверна, мы ему пока объяснить не станем, чтобы сам не догадался, пока до самого сидалища крючок не заглотит, так, что вырвать его можно будет только вместе с жизненно важными органами. Пока что он может и назад попятиться, а если ему сейчас это сойдёт с рук, то он и в самом деле в игроки проскользнёт. Так что ваша задача, сэр, – легким пинком вернуть его обратно на доску, с которой он в мечтах уже воспарил, да ещё и поставить его в нужную позицию. Тягловым конем. И заставить ходить в нужном направлении. Нам нужно, а не ему, разумеется».

Первый шаг – заставить эту перемену ролей на уровне обоза и его охраны проглотить и не подавиться, неважно, под каким соусом, главное – готовить его следует постепенно и вдумчиво».

Когда-то, ещё ТАМ, Михаил Ратников то ли слышал, то ли прочитал, что если лягушку бросить в кастрюлю с кипятком, то она обварится, но из кипятка выскочит живая, а вот если ее посадить в ту кастрюлю и воду под ней подогревать медленно, то она сварится, так и не поняв, что произошло. Вот и с дядюшкой надо было поступать аналогичным образом, чтобы к приезду в Ратное он притерпелся к процессу «подогрева» и выскочить уже не мог. Доваривать и приправлять, в основном солью и перцем, можно уже дома...

Мишка неспешно поднял глаза на родственника и с легким удивлением пожал плечами.

– Зачем же тебе себя в дороге трудить, дядька Никифор? Не могу я такого позволить, уж извини. Ты себе спокойно езжай, не волнуйся за обоз. Он и так идет под защитой Младшей стражи, командовать которой назначен княжий сотник. Справимся. Илья Фомич у нас старшина опытный, он хорошо походный порядок понимает. Ты только своим приказчикам вели его слушаться, чтоб не пришлось их принуждать лишний раз. Мы, конечно, принудим, но зачем? По-родственному-то лучше... – и, ласково улыбнувшись дядюшке, развёл руками. – А что вперед надо разъезд послать, так это ты правильно говоришь. Только у нас это воинским порядком и без того определено, да и не только это, и говорить ничего не придется: каждый десятник знает, чего ему в дороге делать, верно, господин десятник?

– Верно, сотник, – не моргнув глазом, кивнул Егор, будто только и ждал Мишкиного вопроса.

Почудилась при этом мелькнувшая у него в бороде ухмылка или нет, Мишка так и не понял, но вот то, что дядюшку начало слегка перекашивать, несмотря на скудное свечное освещение, заметили, кажется, все. Может, у купчины и был соблазн выругаться и, саданув кулаком по столу, настоять на своем, но неожиданно всю мизансцену поломал боярин Федор. Он с шумным хэком поднялся из-за стола, привлекая к себе всеобщее внимание, оглядел присутствующих, задержав внимательный взгляд на Мишке, покрутил головой и повернулся к Никифору.

– Ну что, дождался светлого дня, Никеша? Подрос помощничек-то. А ты как хотел? Дык воины ж, тудыть их... Ты к ним своих детей послал, а не они к тебе, никто тебя в спину не пихал... Так что отдыхай, пусть боярич караван ведет, раз такое дело. А мы посмотрим... Пошли лучше спать, а то вставать завтра чуть свет.

«Опаньки, вот и герр Теодор к процессу «подогрева лягушки» подключился... Красиво он его по резьбе довернул и в верном направлении. Со смазкой про «пусть молодежь учится, а мы отдохнем», значит. И боярича припомнил к месту, политик. Свой облом с Катериной он анклу Нику не забудет, а посему этой «кулинарией» занимается с удвоенным удовольствием».

Вот таким образом и произошло перемещение Никифора из привычного для него разряда «Начальник экспедиции» в ранг пассажира VIP-телеги, за неимением мерседеса. Не сказать, что купцу это сильно понравилось, но особо и не насторожило. Утром он демонстративно держался в стороне от всех хлопот, беседуя о чем-то с Федором и подъехавшим к ним Григорием, а своему приказчику, отправлявшемуся в Ратное на замену покойному Спиридону, кивнул на Мишку:

– Сотник распоряжается. Ему под руку идешь, в Ратном Лисовины хозяева, привыкай...

И рывкнул, заметив на лице у того нарождающийся вопрос:

– Чего уставился? Племянника моего слушай, говорю! Он молодой, ему учиться надо, а мне и отдохнуть иной раз не грех... Пошел вон! – а обернувшись к Григорию, усмехнулся. – Я так решил: пусть племяш покажет, чему они там отроков учат, а мы с тобой в дороге приглядим.

«Ну присмотри, дядюшка, присмотри... А мы мысль, нечаянно тобой высказанную, – что Лисовины главные – твоим обозным доведём. И не только им. Вон как Григорий прищурился – к сведению принял. Впрочем, как раз его такое положение дел должно устроить, ведь если и он захочет от сладкого куска откусить, то ему уже не с тобой договариваться надо, а с нами... А ведь захочет! По глазам вижу – непременно захочет!»

* * *

С удобством расположившись на потнике, брошенном на охапку лапника возле костра, загодя разведенного в стороне от остальной толпы, Мишка окинул взглядом собравшихся в круг своих ближников. Невольно вспомнился совет перед атакой на Пинск. Тогда он отметил, как возмужали и повзрослели его крестники за прошедшие несколько недель со времен их первого боевого похода за болото.

На войне детство кончается после первого боя и возраст считается иначе – не годами, а боями. Победами и поражениями. Вот и теперь Ратников присматривался к своим мальчишкам и сравнивал. Нельзя сказать, что в этот раз перемены в отроках оказались столь же разительны, скорее сама обстановка изменилась.

Тогда они собрались на *военный совет*. И держались соответственно – позади у них была война и впереди тоже маячила война. И они сами тогда жили только войной, ибо стали уже неотъемлемой ее частью, потому и места ничему иному не оставалось. Сейчас они возвращались с этой войны победителями, а сами себе наверняка казались почти былинными героями.

Тогда они стояли на тропе войны. Теперь участие в войне закинуло их на доску Большой Игры, а победа закрепила на ней, и сойти с этой доски они уже не могут, разве что битой фигурой. Вот это они пока что не понимают, и их сотнику ещё предстоит вдолбить в них это понимание, как и то, что даже на пешку в Большой Игре мы пока никак не тянем, разве что на фишку.

«Если уж довелось победить, то есть выжить на первых же ходах, то и плодами этой победы надо распорядиться правильно. В начале партии о победе речи вообще быть не может: не получили детский мат, и слава богу. Теперь главная задача – поставить фишку на доске так, чтоб не сожрали те, кто пожелает попробовать вас на зуб следующим ходом. Вот над вашей позицией, сэр, и надо подумать, потому что зубы заинтересованных лиц уже клацнули.

Теперь назвать нас сопляками, пожалуй, мало у кого язык повернется. Добыча и слава достались такие, что и взрослым воинам могут показаться немислимой удачей. Ключевое слово здесь «показаться»... И для всех остальных так оно и должно остаться.

А вот ближникам своим вы сейчас это счастье поломаете, хотя о чем-то они уже догадываются. Судя по физиономиям, все они о цели предстоящего разговора прекрасно осведомлены, наверняка сами же и послали Роську с расспросами.

Ничего удивительного – дураков среди них нет. Мальчишки, конечно, но мальчишки, которых жизнь уже по своим жерновам старательно и со вкусом потаскала, да и вы сами с лордом Корнеем постарались из них тщательно вытряхнуть наивняк, который ТАМ у иных сохраняется чуть ли не до седых волос. Не могли они не задаться теми же вопросами, что и поручик Василий. И, следовательно, между собой что-то уже обсуждали; то-то эйфории на лицах не наблюдается – скорее невысказанные и глубоко запрятанные страхи.

Вот и надо их заставить эти страхи проговорить вслух, конкретизировать и локализовать, показать, что это не страшилка, не препятствие даже, а вполне решаемые трудности, закономерно возникающие при любом развитии событий в процессе управления чем-то, отличным от телеги с навозом. Да и у телеги на дороге время от времени попадают колдобины да ухабы.

...Эх, жаль, шахмат с собой нет, с ними нагляднее получилось бы...»

– С шахматами вы все, господа Совет, более-менее знакомы.

– Ага! – хором, как в былые времена ответили Кузька с Дёмкой, Дмитрий им поддакнул, а остальные только кивнули.

«Спасибо покойному отцу Михаилу – и сам любил эту игру, и охотно учил всех, кто проявлял хоть малейшую заинтересованность. Не у всех получалось, но азы он всем вложил прочно... Вот и воспользуемся».

– Все вы не раз играли, и что такое доска и фигуры, вам объяснять не надо. А попробуйте представить себе игровую доску размером с Ратное или Погорынье.

– Или княжество... – пробормотал себе под нос Дёмка.

– Или княжество, – согласился Мишка. – Только вот на такой доске люди не в игрушки играют, а Играют. Всерьёз. Насмерть. Мы с вами только-только из одной игры вышли, но тут же вляпались в другую.

– Ты про что, Минь? – негромко спросил Дмитрий. – Про наш поход?

– И про него тоже, Мить. Война ведь тоже игра, но на ней хотя бы всё понятно. Вот тут свои, светлые фигуры, там – враги, чёрные. Слон топчет пешек, конь атакует слона, а ладья убивает ферзя...

– Ну, наша ладья князя как раз вывезла...

– Ладья-то вывезла, но получилось, что пешка поставила шах королю, а он в ответ *вынужден* был сделать свой ход. Если пешка встанет на правильную клетку, то король сделает именно тот ход, который нужен. Сам делает. А если пешка встала глупо, то король сделает тот ход, который выгоден ему самому. И тогда может случиться, что пешка не встала, а подставилась. Умный король пользуется не только своими, но и чужими фигурами. При этом никто никого не убивает и даже, может быть, не угрожает. Но игра продолжается, а война *уже идет*. Позиционная война. Она всегда начинается перед большой кровью, но не всегда ею заканчивается. Все зависит от позиции, которую удастся занять.

– Отец Михаил говорил, иногда, чтобы выиграть позицию, жертвуют пешкой... – задумчиво вставил Дёмка.

– И планы той пешки при этом не волнуют никого, – мрачно отозвался Мотька.

– Ага. Что бы какая фигура про себя при этом ни думала. Взять хотя бы моего дядюшку, купца Никифора, – хмыкнул Мишка.

– А он-то тут при чём? – удивился Кузька.

– Ну как же! Он-то считает, что сорвал огромный куш, бросившись за нами вдогон и договорившись с князем Всеволодом: дескать, ладья догнала ферзя и стрясла с него добра доверху. А что ладья эта, хоть и тяжело гружённая, находится в позиции слабей пешки этого он пока ещё не понял.

– А почему слабей пешки, Минь?

– А ты вспомни ужин накануне выезда из Турова – что дядюшка нам вещал и с чем остался. Если переложить тот разговор на язык шахмат, то получалось, что он занял свободную линию и только было разбежался, как с одной стороны его путь перекрыл сильно резвый конь, а с другой грузно плюхнулась нехилая ладья. Ну и чего у него теперь с позицией? – риторически спросил Мишка своих ближников. – И это мы ещё до Ратного не добрались, а там его аж целая сотня борзых коней поджидает, во главе с нехилым слоном-воеводой. Спрашивается, куда и насколько свободно из такой позиции Никифор ходить сможет?

– А мы кто? Кони? – поинтересовался Роська.

– Смотря для кого, Рось. Для воеводы Погорынского мы, пожалуй, пешки, а вот для князей пока и на мелкие фигуры не тянем. Так, фишки разменные... Пешек из нас только собрались делать, и пока непонятно, проходных или жертвенных.

– Что, все так плохо? И дорого княжья милость нам обойдется? – откинув в сторону непослушную прядь волос, Демьян хмуро посмотрел на брата, но в голосе его, несмотря на привычную угрюмость, отчетливо слышалось сочувствие, смешанное с надеждой, что Мишка сейчас развеет хотя бы самые худшие его опасения.

Ответить Мишка не успел, его опередил Митька.

– С кем воюем, Минь? – голос крестника звучал спокойно и деловито.

Похоже, Дмитрий уже все для себя решил, и ему не хватало только приказа, чтобы козырнуть, шелкнуть каблуками и отправиться выполнять распоряжение – готовиться к следующему походу. Да и остальные, как отметил про себя Мишка, при этих словах выдохнули: воевать им было привычно и понятно. Не с глупым щенячьим задором вострепнулись в ожидании драки – выветрился из них задор за этот поход окончательно и необратимо, но с уверенностью молодых воинов, которые иной судьбы себе уже не желали. И, прекрасно все понимая, ее не боялись, а напротив, считали единственно для себя возможной.

Один только Мотыка хмуро и безучастно рассматривал что-то перед собой.

– Навоюемся, Мить, – Мишка, оторвав взгляд от Мотыки, серьезно посмотрел на Дмитрия. – Это не задержится.

– Так с кем воевать собираешься? – Мотыка, похоже, только и ждал, когда сотник отвернется от него, чтобы наконец заговорить. То, что прозвучало в его голосе, Мишке не понравилось. Впрочем, и у остальных слова лекаря понимания не нашли. И опять первым вскинулся Дёмка:

– А ты? – Кого другого Демьян придавил бы одним взглядом, но у Матвея самого из глаз разве что искры не сыпались. – Ты что, не собираешься? Лекарь... – последнее слово Дёмка почти выплюнул, как оскорбление, но Матюха среагировал на него совершенно неожиданно:

– Если бы... Говна пекарь! Какого я, осла иерихонского, лекарь! Так, недоучка... А у нас калеченных только под Пинском сколько? Не считали? И я не считал, потому как не знаю, сколько их живыми до дома довезут! И сколько там ещё... – он хмуро оглядел всех и снова перевел взгляд на Дёмку. – А кто их выхаживать будет? Кто вам задницы драные штопать станет? Дунька эта малахольная? Юлька уйдет...

– Ах ты, сука!...

Демьян, с лицом, перекошенным как от внезапно дернувшего больного зуба, рванулся к Матвею, но на него с двух сторон навалились Митька с Кузькой.

«А ведь Дёмка-то из-за Юльки вскинулся! На вас, сэр, он и помыслить не может, а на Мотыку сорвался. За то, что тот его боль и страх сейчас вслух выговорил и тем самым сделал необратимыми».

– Отставить!

Успевший вскочить с места и готовый к драке Матюха замер на месте. Дёмка замычал что-то невнятное, но тоже перестал дергаться. Привычка к дисциплине сделала свое дело, и более суровых воспитательных мер не потребовалось. Мишка холодно посмотрел на Матвея.

– Сядь. И этого отпустите, – кивнул он мальчишкам. – Нашли время...

Дождавшись, пока Матвей опустился на место, а Демьян проплелся от попавшей в рот шерсти тулупчика, в который его со всего маха ткнули лицом, Мишка потянулся к кувшину с квасом, заботливо поставленному верным Антохой вместе с иной снедью на расстеленном вместо стола потнике.

– Налейте ему, – Мишка передал кувшин Кузьке, – а то завтра с утра войлок из задницы выковыривать придется...

Кузька, принимая посудину, только кивнул, даже не усмехнувшись шутке, да и все остальные смотрели серьезно: подчеркнутое спокойствие сотника, похоже, подействовало на отроков сильнее, чем любой крик и ругань.

– Кто лечить будет, говоришь? – Мишка обращался к Мотьке, но смотрел на Демьяна. – Ты и будешь. Если Юлька уйдет – значит, судьба. Или не судьба... Молчать! – Дёмка, порывавшийся что-то сказать, поспешно захлопнул рот. – Я сказал – уйдет, значит, так тому и быть. У нас свой долг – у нее свой, лекарский. И она ему не менее нашего предана. Так что ей и решать, чего от нее ее стезя потребует, и не нам про это судить. Настена тебя и дальше учить будет – она баба разумная, капризам воли не даст и больных не бросит. А нет, так в Туров к отцу Ананию поедешь. Эти проблемы решать будем по мере их поступления – в рабочем порядке. И да... Чтобы про Дуньку я не слышал больше – она боярышня Евдокия, – Мишка усмехнулся уголком рта. – Будущая боярыня Лисовинова.

– Князь-то точно не откажется? – прищурился Кузька. – Мало ли что там говорено, а пока сватовства не было... Или уже все решено?

Он задумчиво закусил соломинку и вдруг протянул:

– Ну да... надо же князю Всеволоду чем-то свой сговор с ляхами прикрыть, а так оно красиво получается: мы, выходит, не в полон его взяли, а тебе невесту добыли. Мономашичи сотничьей гривной нам окончательно рты заткнули...

Кузька невесело усмехнулся и констатировал:

– Получается, Всеволоду, чтоб от других князей прикрыться, срочно пешка понадобилась. Вот он и сварганил ее по-быстрому, из попавшейся под руку шустрой фишки. Выходит, теперь ему прямой резон ту пешку при первой же okazji под бой подставить.

«Опаньки, сэр, приехали... Признайтесь, не ожидали вы такого пассажира от Кузьмы Лавровича? Скорее уж от Дёмки. Ну-ну, выросли ребятки. И то, что Кузька думать начинает – уже хорошо. Хотя и не совсем правильный вывод сделал, но, тем не менее, самостоятельный.

Вот только где это он такого нигилизма успел нахвататься? Надо думать, сказывается близкое знакомство с княжым семейством на ладье. В том, что князья сделаны из того же теста, что и все прочие, и ничто человеческое им не чуждо, они своими глазами убедились, отсюда и некоторое разочарование. Они-то их считали выше обычных смертных – уж больно князья далеки и выглядят неприступными, когда за ними с галерки наблюдаешь. Эдакие небожители... А оказалось, что и они тоже какают... и далеко не бабочками.

А у Кузьки сейчас ещё и переходный возраст, со всеми его прелестями, о себе знать дает. Цинизм у братца должен символизировать богатый жизненный опыт, надо полагать? У Дёмки-то с его вечным брюзжанием то же самое, в сущности, просто раньше проявилось. Да и остальные не слишком шокированы откровениями Кузьмы. Что ж, добро пожаловать в реальный мир, господа.

Главное теперь – не дать им в другую крайность удариться, а то сочтут, что князя можно мерить по тем же меркам, что и соседского дядьку, тем более – судить о его словах и поступках. Чревато. Ещё чреватей – судить о мотивах князя по его собственным словам и поступкам».

– Ну, кто что скажет? – Мишка оглядел ближников. – Ведь думали уже об этом, верно?

– Не мог князь Вячеслав так решить! – упрямо мотнул головой Дмитрий, правда, в его глазах таилась не уверенность в своих словах, а скорее надежда, что Мишка разрешит его сомнения. – Не мог... слишком уж это... Да и князь Городненский тоже. И если решили Ду... боярышню Евдокию за Миньку отдать, так всяко не из-за того, чтоб откупиться! И гривна сотничья – не цацка бабья, чтоб ей вот так... – разгорячился Дмитрий. – Значит, обдумали все. Да и кто мы такие, чтоб князья перед нами распинались – просто бы велели сотнику своим щенкам рот заткнуть и все. Не верю!

«Ловите момент, сэр. Концепции они вам уже выдают, ваше дело – правильно их соотносить с реальностью Игры».

– Нет, Мить, не стали бы князя от нас откупаться. Евдокия, если приложить к правилам игры, – это та клетка, которая делает фишку фигурой. Пока лишь пешкой. Это дядька Никифор может создать пешку и тут же ее угробить, за копеечную по сути прибыль. Разумный князь так не поступит, ибо это разрушение правил собственной игры. Фигуру создают для того, чтобы ее использовать. Это дорого – создать фигуру. Создать, прикрыть, дать сделать первый ход, расчистить клетку, поставить на нее, проследить за первыми ходами... Даже если он ее сдаст, то жертва должна окупиться...

– Дядька Никифор возле князя на ладье все время вертелся, наверняка про сватовство ему и нашептал... – Артемий задумчиво пожал плечами. – То-то боярин Федор не шибко этому радовался. Он и посейчас злой.

– Боярин понятно почему злой, – буркнул Дёмка. – Он свою Катерину за Миньку хотел выдать, давно все сговорено, а теперь поперек князя дед разве пойдет?

– И священника нам в Ратное вместо отца Михаила вон как быстро нашли, – неожиданно выдал Мотыка. Неожиданно, потому как Мишка ожидал, что про отца Меркурия первым вспомнит Роська.

Впрочем, поручик Василий тут же согласно закивал:

– Ага, мы в монастыре слышали разговоры, там многие этому удивлялись... Ну, не хватает же священников, а тут сразу решилось. Стало быть, наш приход в епархии числится не последним – то есть клетка наша важная? И не абы кого к нам посылают: отец Меркурий сюда из самого Царьграда прибыл, с отцом Илларионом давно знаком. Говорят, тот сам его вызвал себе в помощь. Греков ученых и в самом Турове не много, думали, он там и останется при епархии, а его к нам, в глушь отправили.

– А с чего ты взял, что он ученый? – опять влез Кузька. – Дядька Савелий сказал – ратник он, только что в рясе. И правда, на воина больше похож, чем на монаха.

– Ну так ноги у него нет, может, после ранения и пошел в монахи, – Мотыка рассудительно пожал плечами. – Он с нами в монастыре разговаривал... Точно, ученый. Хотя на отца Михаила покойного вовсе не похож.

«Блин, вот только ещё одной тёмной лошадки нам сейчас не хватало! Ладно, не о нём сейчас речь, это успеется».

– Так где же тебе такого второго взять? – Роська со вздохом перекрестился. – Таких, как отец Михаил, Царствие ему небесное, и во всем свете нету больше, наверное! И в монастыре про него то же говорили: истинно был святой человек. Такие в сотню лет один нарождаются, небось... Не иначе, он за нас и попросил Там Спасителя... – Роська снова перекрестился, теперь истово. – Вот нам удача и пошла в этом походе – ведь чудом же только... И князя пленили, и княгиню вызволили, и князь потому нам благоволил! С нами Бог, истинно! Да, Минь?

– Истинно, Рось, – кивнул Мишка. – Только с Божьей помощью и выкарабкались. На этот раз.

– Так, значит, Кузька прав? – Митька хмуро взглянул на своего сотника, словно ждал приговора. – Князя нас, как детей малых...

– Нет, Мить, не прав, – Мишка неспешно налил себе кваса. – Не стали бы князя от нас откупаться. И ты верно сказал: гривна – не разменная монета на торгу. И не награда это, а признание, что мы, Младшая стража, можем оказаться полезными князю в их княжеских играх. Но не думайте, что одной только доблестью мы себе такое признание добыли. То, что мы князя пленили и княгиню выручили, одно дело. Но всяко могло обернуться, если бы нас сочли опасными. Или неуправляемыми.

– Опасными? – Дёмка недоверчиво повертел головой. – И чем же это мы можем быть князю опасны? – он зло усмехнулся. – При нужде раздавит и не заметит...

– Не силой, конечно, опасными, а клеткой, на которую можем встать.

– В том-то и дело! – Дмитрий досадливо поморщился. – Против взрослых воев в бою мы не сила. И погибло у нас много, прав Матвей. Хорошо, в Турове отроков у Свояты забрали, – он коротко улыбнулся. – Я на днях говорил с ними – они от радости, что так повезло, не знают, каким святым молитвы возносить. Стараются... Но ведь их мало, да и учить их ещё и учить.

– Будет нам пополнение, – Мишка кивнул Дмитрию. – Отец Феофан обещал сирот собирать и нам присылать. Ляхи много весей разорили, бродяжки зимой в Туров потянутся непременно, монастыри всех накормить и приютить не в состоянии. А учить... Учить всех придется, и нам самим учиться тоже. Опыт в этом походе мы получили немалый, и если из него верные выводы сделаем, то в следующих потеряем уже меньше. Недаром говорят, что наука воевать кровью пишется.

Теперь князь... Он прекрасно понимает, что мы ещё в полную силу не вошли, но мы ему показали, что польза с нас уже сейчас есть. И это пока что наше главное достижение. Нас же в Турове проверяли все, кому не лень, со всех сторон рассматривали. Прикидывали, что за фигура объявилась и нужна ли она им на этом месте, кем и для чего поставлена.

– Тоже мне, купцы на торгу! – скривился Дёмка.

– Именно, Дём! А мы все – товар! Вы что же думаете, от нечего делать перед выходом в город дядька Арсений у отроков даже уши проверял – чистые ли? А друг его, Бояша, от встречи расчувствовался да по доброте душевной повел всю ораву в корчму, кормить-поить? Неет, на нас смотрели и оценивали. Разные люди – и на торгу, и в корчме, да везде, где появлялся хоть один из нас! И все это потом на весы легло и свое дело сделало. Так что мы свои головы сохранили и гривну заработали не только и не столько доблестью в бою, а если совсем честно, так и вовсе не доблестью.

Бой – что, прошел и все. Услуга, которую уже оказали, ничего не стоит, ценна только та, которую с нас можно получить в будущем. Так что для нас ничего не окончилось – все только начинается. Нас поставили держать позицию, и мы её удержали. Потому и домой сейчас едем, а не в порубе гниём. А гривна моя, и Дунь... боярышня Евдокия – не награда, а поводок, на котором собак водят. Ну так и поводок для пса – награда: дурных и непригодных к службе забивают...

– Значит, как ни войю, а все одно у князя почета не сыскать! – зло сплюнул Дёмка. – Голову бы сберечь – уже за счастье.

– Возле князей – возле смерти. Или не знал? Не нами придумано.

– И чего от нас хотят? – криво усмехнулся Кузька.

– А вот это, господа совет, и есть главный вопрос... – Мишка обвел взглядом своих посерьезневших ближников, – и ответ на него нам теперь постоянно придется искать. Чего от нас хотят – на самом деле, а не то, о чем говорят вслух? Как нам извернуться, чтобы и князя не разочаровать, и свою голову на плечах сохранить? Да ещё и позицию получше занять, со всем, что к ней причитается. Кто до чего додумался?

– Да какая там позиция, голову бы удержать! – сплюнул Мотька.

– Нет, воюют не за голову, даже за свою собственную. Воюют либо за ресурс, либо за позицию. Пешку на правильной позиции без ущерба для себя не всякий ферзь скovyрнуть сумеет. Если ты силён, то ходи и бей. Но если слаб, то ищи позицию.

Артемий будто только и ждал вопроса:

– Я так прикинул, Минь, князю именно то и глянулось, что мы не как все воюем. Латная конница, конечно, сила, но латная дружина у него и своя есть. А вот, как мы, дружинники не сумеют. И самострелов наших не знают. А то, как мы княгиню освобождали, даже дядька Егор оценил – сказал, никогда подобного не видел... Князю же это наверняка доложили. Вот я и думаю – теперь именно такие дела нам князь поручать и будет. Раз никто, кроме нас, не умеет. Так?

Мишка изобразил взглядом заинтересованность, поощряя Артемия к дальнейшим рассуждениям.

– А потому нам надо и дальше такому же учиться, чтобы лицом в грязь не ударить и доверие оправдать. И ещё можно всякое... Хотя бы побродяжками прикинуться: кто не знает, и не подумает на отроков, что вои. Или вон скоморохами. А самострелы в поклаже припрятать, мол, это у нас инструменты, а как рассядутся слушать, так...

«Вот они, вечные ценности, в смысле, банальные штампы, в полный рост. Эх, жаль, Голливуда нет, тебя бы туда сценаристом – с руками бы оторвали...»

Судя по выражению лиц ближников, остальные фантазий Артюхиной артистической натуры не разделяли. Первым не выдержал Дёмка, как самый прагматичный.

– Чего мелешь-то? Как ты самострелы спрячешь? Под гусли, что ли, раскрасишь? Найдут в поклаже – порубят, и выхватить не успеешь. И вообще, невместно воинам в скоморохов переодеваться – воевода не позволит. И прочие ратники таких ни во что ставить не будут. А князь и подавно... – скривился он. – Да и зачем это ему понадобится? Опять княгиню освобождать, что ли?

«Тьфу-тьфу-тьфу... И первый-то раз лишим был».

– Почему обязательно княгиню? – Артемий, похоже, никак не хотел отказываться от своей «гениальной» идеи – стать отрядом специального назначения с переодевашками при княжеской ставке, даром, что понятия такого не знает. – Ещё много чего случиться может... Непредвиденного.

– Чего, например? – поддержал Дёмку Димка.

– Да мало ли чего! – Артемий почесал в затылке. – Всякое. Вон, что княгиню похитят, тоже никто не ждал, однако случилось. И если бы не мы, неведомо чем закончилось бы.

– Тогда нам не в скоморохи надо, а всем у дядьки Стерва учиться, как разведчики.

Дёмка хоть и раскритиковал Артюхину фантазию, но сама идея ему, по-видимому, показалась разумной, во всяком случае, он продолжил развивать тему:

– И такие же одёжки лешачьи, как у них, на всех пошить. А самострелы не под гусли, а под такие же пятна зеленые раскрасить и на них махрушки разные наклепать. И научиться всякому, как дядька Егор рассказывал, некоторые вои умеют – ночью видеть, под водой с соломинкой сидеть. Если подкрасться незаметно надо – одёжу и оружие в мешки кожаные непромокаемые сложить, и под водой. А в нужный момент выскочить, когда не ждут. А ещё с Прошкой поговорить, может ли он так собак выучить, чтоб они по команде тихо подкрадывались и сзади кидались по приказу...

«Тушите свет, сушите весла... Остапов понесло!»

– Погоди, Артюха, – тормознул полёт фантазии Мишка. – Всё, что ты нам сейчас вывалил – это ходы фигуры. Самостоятельные. А ходы нам пока недоступны, нам бы пока научиться стоять и держаться.

– Будет вам ерунду-то нести, не о том говорите! – отмахнулся от него Роська. – Вот что хотите со мной делайте, но не верю я, что наша доблесть так князя поразила. Он бы тогда при себе нас держал.

– Нет, князь так думать вообще не может! – возмутился Димка.

– Много ты знаешь, как князь думает! – вскинулся в ответ Артюха, но Дмитрия с мысли не сбил.

– Как он думает, я не знаю, – решительно потряхнул головой старшина. – Но вот так – точно не будет. Так думать может Корней Агеич. И то, не боярин Лисовин, а сотник, когда к бою готовится. Он думает, как десятки в бою использовать да кого куда поставить способнее, чтобы они больше пользы принесли, – лучников дядьки Луки, мечников, нас, Младшую стражу. А князь... Не так, и все!

Димка подумал ещё и добавил:

– Ну вон, когда я к Кузьме в кузню иду и прошу его самострел сделать или там кольчугу починить, я же не говорю ему, кого из помощников горн раздуть поставить, а кого – кольца клепать или ещё что. Мне от него оружие надобно получить. Так и тут...

– Но если мне кто знающий по железу потребуется для чего-то, а его помощника я отметил, как рукодельного, так я его у Кузьмы и уведу, – возразил Дёмка. – Или вон, боярин Корней велит – и заберет в Ратное, в кузню.

– А это мы посмотрим! – взвился Кузька, как будто брат и впрямь покушался на его помощников. – Уведет он! А дед и не станет. Да и зачем ему мои обалдуи сдались? Будто отец себе помощников в Ратном не сыщет при нужде... – он задумчиво почесал за ухом. – Вот и князь... Не вяжется тут что-то. Верно Митька говорит: мы для него сопляки ещё и против взрослых ратников – никто... Что мои бездельники против хоть бы и подмастерья туровского, но хорошо обученного – я там по торгу походил, видел, что они умеют, мне ещё учиться и учиться до того мастерства. Даже батя не все сможет повторить...

– Так я и говорю... – Артюха попытался было опять спорить, но Мишка остановил его движением руки и с интересом поглядел на Кузьку:

– Продолжай.

Тот замялся, прикидывая про себя, как точнее выразить свои мысли, и решительно рубанул воздух рукой:

– Если бы князь решил, что от нас какой-то толк со временем выйдет, или мы при нужде и сейчас в походе на что сгодимся, то он по-другому все сделал бы. Он бы милость свою оказал, конечно, одарил чем-нибудь, но скорее через деда. А так, как тебя, и не всякого бывалого сотника награждают. И гривна, и земля под усадьбу. Так? Значит, именно мы, такие как есть, хоть ещё и не воины, а ему надобны... И вопрос – зачем мы ему такие? И не только князю Вячеславу – князю Городненскому тоже. Хоть мы его и пленили, и людей его побиили, а он вон Евдокию за Миньку сватает, да так, что и отказаться никак нельзя. Хоть и не княжна, но ему она, как дочь, значит, и приданое за ней хорошее даст. Ему, выходит, тоже от нас чего-то надобно? Минь, уже известно, что за Евдокией дают?

– Землю, Кузя. И боярство, коли эту землю удержим.

– Коли удержим? – переспросил Дмитрий. – И где же та земля?

– Далеко. На порогах, что за Городно.

От такой новости мальчишки моментально напряглись – смысл сказанного до них дошел сразу.

– У ятвягов?

– Да. У тех татей, что вместе с ляхами пришли...

– Значит, не мог ты отказаться, Минь, – Дмитрий не спрашивал, а отвечал на свои мысли. – Никак не мог. Иначе всем бы тогда головы не сносить.

– И так, похоже, не сносить, – хмуро констатировал Дёмка. – Поляжем мы там. С ятвягами воевать – не татей единожды из схрона выманить... Вот тебе и княжья милость! И ведь сами полезли... Надо было исполнять, что воеводой велено, а мы, дураки, обрадовались – князя пленили! Знали же, что Всеволод Городненский родня князю Вячеславу, вот и пусть бы сами они промеж себя решали по-родственному... – зло сплюнул он.

– Это и есть жертвенная пешка, Минь? – встрял с теорией Кузька.

– Надеюсь, что проходная. Судьба у них по большей части похожа, но у проходной изначально есть и шанс, и цель.

Мишка налил себе ещё кваса и ответил уже Дёмке:

– Да, сами влезли. Только не прав ты, Дём, мы ошиблись не тогда, когда князя пленили, а раньше. Когда коров пасли, думать надо было. Сидели же себе спокойно – чего нам не хватало? Тепло и сытно... Многие и посейчас так сидят, а мы, дурни, циркус затеяли и крепость строить взялись... – он пристально оглядел остальных. – Что, распускаем всех, да по печкам?

– Не выйдет теперь, по печкам, Минь, – усмехнулся Кузька, – вляпались уже... Только что теперь делать-то? Наших сил пока не хватит...

– Как – что делать? Воевать! – у Дмитрия на этот счет не было никаких сомнений. – И Корней Агеич Младшую стражу не бросит. Сотня сто лет в Погорынье среди язычников выстояла – небось, им не легче было.

– То сотня... Что ещё воевода скажет? – насупился Дёмка. – Устроит он нам... встречу.

– Устроит, конечно, – согласился с братом Кузька. – Только против княжьего слова и он не пойдет. Это и есть сильная позиция, да, Минь? Недаром боярин Федор на Погосте задерживаться не собирается – я сам слышал, как он говорил с дядькой Никифором, что тоже с нами в Ратное едет. Да и дед...

Кузька замолчал на полуслове, подергал себя за вихры и протянул:

– Во-он оно что! А я-то голову ломал, зачем мы князю? Выходит, мы ему без надобности, только вот мы не сами по себе – мы при сотне... И земли, что за Евдокией дают, нам самим не занять и не отстоять. Так что из-за сотни князь нас и привечал! Так пешку поставил, что теперь сотне деваться некуда – она может ходить только так, как князем задумано.

– Сотню? – с сомнением пожал плечами Дёмка. – Но сотня и так князю служит, воевода по княжьему слову и сотню, и нас, и все дружины боярские поднимет и пойдет, куда велено...

– Так то по княжьему слову! – Кузька отмахнулся от брата. – А то сами. Пойдём и там осядем... Да, Минь? Только зачем?...

– Так, Кузя, – кивнул Мишка. – Верно мыслишь. А зачем... Князю земли нужны. Они пока языческие, для князя это все равно что ничьи, а сядет там его боярин – станут княжьими... – Мишка подмигнул внимательно слушающему Дмитрию. – Вот, Мить, и ответ на твой вопрос, чем князь думает... Если сотник думает десятками, воевода – дружинами боярскими, то князь – землями. Погорынье и так уже его.

Сотня свою задачу выполнила, и нужды в воинской силе тут больше нет. Тем более такой – кованой рати. Через поколение Ратное станет просто селением, ну, самое большое – городком, боярин Корней Агеич о своей вотчине позаботится, конечно, но сотня и ему без надобности – ее заменит боярская дружина. Он потому и поддержал нашу Академию, чтобы воинское умение вовсе не выродилось. Только все равно, если меч в ножнах держать, он ржой покроется. И с людьми то же самое. Князья сотней делают ход. Как конем. И сотня должна занять и удержать освободившуюся клетку.

Так что сотне придется или уходить туда, где ее воинская сила и умение в дело пойдут, или она не то что никому тут не нужна – она опасна станет. Конечно, нам бы ещё несколько лет поучиться да возмужать, но тут, как Бог рассудил. Это наша удача, от которой грех отказываться. Конечно, кровью за нее заплатим, и немалой, но по-другому и не бывает. Какая ставка в Игре, все помнят?

– Сотня среди язычников именем Божиим выстояла! – Роська грохнул себя по колену. – Свет Христианства несла в земли языческие, а Господь ее хранил. И нас не оставит! Я так думаю – он нас и ведет на эту стезю.

– Да, Рось, и это тоже, – согласился с крестником Мишка. – Только у нас, кроме веры, ещё и помощь будет немалая. Сотня сюда когда-то шла сама по себе, а у нас за спиной очень крепкие фигуры стоят: и Никифор с казной, и другие купцы – им интересно путь по Неману обезопасить, опять же князь Городненский не просто так Евдокию замуж отдает – он и о ее будущем печется. Значит, поддержит нас.

И святая церковь тоже – отец Меркурий неспроста нашелся. И ещё пришлют священников, когда на пороги двинемся. Не только мы своими мечами и самострелами свет истинной веры понесем – вера сама по себе оружие. Мы выполняем волю церкви, а она поддерживает нас. Сотня в Погорынье крепко встала, когда утвердила здесь христианство, а нам предстоит

то же самое сделать на порогах – чтобы не оборону среди язычников держать, а своими их сделать... Но про это мы не раз поговорим – дома уже, а может, и в дороге ещё соберемся.

«Хватит для начала, сэр. Читайте, что вы сейчас провели вводное занятие к практическому курсу «Управление административной единицей Великое княжество в условиях зарождающегося феодализма» для командного состава будущей государственной элиты. Пусть это переварят».

Затянувшуюся было паузу прервал Артемий – он первый пришел в себя от свалившихся мальчишкам на голову перспектив и в силу характера почувствовал необходимость разрядить общее напряжение.

– Значит, за Городно идти... – дурашливо почесал он в затылке и скорчил разочарованную физиономию. – А я-то думал, мы в Туров теперь насовсем переберемся... Минька в чести у князя, боярином станет, там вон какая усадьба! Если построиться – можно всю Младшую стражу разместить.

– А тебе непременно в Туров надо? – хмыкнул Кузька. – Или боишься, девки там осиротеют? Глашка-то утром провожать прибежала. Или это Клавдюха из-за овина выглядывала и тебе знаки какие-то делала? Я в утренних сумерках и не разобрал... – под дружный смех остальных добавил он.

– А тебе завидно? – Артемий и не думал смущаться. – Да и не было ничего такого – я ей песню пообещал на бересту списать. Уж очень девкам понравилось, что мы накануне вечером пели. Про калину...

– Ага, ты бы ей ещё про дружинушку списал, – недовольно буркнул Роська. – Охальник. Греха не боишься!

«А вот это я пропустил... Артюха-то не терялся, оказывается. И он ли один? Вот ещё наказание! С сыном ТАМ об этом не думал, а тут... Не приведи Господи – девка какая после нашего гостевания в подоле принесет да на нас покажет? Женить пора засранцев, ей-богу. Причем женить с пользой для рода, а не как получится. Вот ещё заботу матери принесу...»

Но с другой стороны, хорошо, что мальчишки разговор на баб свернули: самое то, чтобы им сейчас напряжение снять... Жаль, тут футбола нет! Научить, что ли? Кожаными мячами в Турове мальчишки на улице играли...»

– Какой же грех может быть от радости? – удивился меж тем Артюха. – А песня – она всегда радость. А кроме песен и не было ничего. Или я вовсе без ума?

Он смерил Роську насмешливым взглядом и ехидно ухмыльнулся:

– Это у тебя против бабьего племени никакой защиты нет. Вот попомни мое слово – уведет тебя какая-нибудь девка, как телка на веревочке, и даже замыкать не успеешь!

У поручика Василия от возмущения аж уши вспыхнули. Он смерил Артюху полным сожаления взглядом и провозгласил наставительно:

– Это тебя, как телка, блудницы на веревочке к греху тянут. Ибо ты на них с вожделением смотришь, а значит – уже согрешил. А блудники и прелюбодеи Царства Божия не наследуют. На жен взирать бесстрастно надобно – тогда они власти над нами иметь небудут...

«Ох, как тут все запущено, спасибо покойному отцу Михаилу, прости Господи... В их-то годы, да чтоб на девок бесстрастно смотреть? Этак и до импотенции недалеко. Нет, точно, как в том анекдоте – замуж, дура! Срочно замуж! В смысле – женить... И жену подобрать горячую, чтоб мозги на место встали».

На остальных отроков Роськина проповедь впечатления не произвела, и хотя спорить с ним о Святом Писании никто не решился, однако и поддержки его слова не встретили. Артюха только отмахнулся:

– Кто о чем, а ты о вожделении. Говорю тебе – наши песни девкам понравились. Да и сами они голосистые оказались. Кабы подольше там побыли, я бы такой хор затеял – не хуже,

чем в крепости на посиделках! Вон дочери плотников едут – уж на что им нынче не до песен, а я вчера вечером слышал – две тихонько напевали что-то. Узнать бы чьи, голоса чистые, будто ангельские. Может, и ещё есть.

– Девки? – заржал Кузька. – Есть, как же... Даже и ничего очень. Какие у них голоса, не знаю, а вот это самое, – он изобразил руками в воздухе нечто волнообразное, должное обозначать очертания девичьих прелестей, и закончил под общие смешки, – все на своих местах!

* * *

Нет, не напрасно Ратников в своей прошлой жизни не любил всякие непредвиденные сюрпризы, внезапно сваливающиеся на голову поперек хорошо продуманным планам. Вот как-то не сложились у него с ними отношения – и все тут. Даже и приятные сами по себе вещи, функционируя в пожарном режиме, могут создать массу неприятностей, а уж неожиданные неприятности – и подавно... В последние годы жизни ТАМ так получалось, что «везло» именно не на неожиданные праздники и подарки, а на катастрофы, включая вдовство, арест и следствие, когда жизнь резко и стремительно ломала свое течение, обрушиваясь, как река на порогах – и только щепки во все стороны.

Да, собственно, и здешний его опыт это только подтверждал – тот же князь на переправе, свалившийся у них на дороге, будь он неладен. Поэтому, когда на Княжьем Погосте навстречу передовому отряду из ворот выехали трое отроков с самострелами, Мишка напрягся в нехорошем предчувствии: его северный тезка – в просторечии большой пушистый песец – в очередной раз норовил подкрасться с тыла и вцепиться в загривок. Причем чувство это только усилилось, когда в самом мелком из всадников он узнал младшего брата.

Сенька пыжился изо всех сил, стараясь выглядеть как можно солиднее. Казалось, он и задумал этот выезд из ворот Княжьего Погоста навстречу возвращавшемуся из похода воинству, чтобы произвести впечатление на старшего брата. Затея, надо сказать, удалась, хотя и не совсем так, как рассчитывал самый младший Лисовин: уж очень потешно выглядела Сенькина мордаха в попытке соответствовать торжественности момента. И даже тревога, с которой молодой сотник встретил неожиданное появление братца, не умалила его стараний.

Мишка, скрыв улыбку, оценил и выправку, и лихой доклад по всей форме, но, отвечая на приветствие, совсем забыл про свою сотничью гривну, что не вовремя сверкнула из-под распахнувшегося тулупа. Она-то все и испортила. Сенькины глаза распахнулись, увеличившись чуть ли не вдвое, резко поменяли фокус, словно приклеившись к шее брата, а строго официальное выражение сползло с ребячьей физиономии и сменилось настолько восторженным обалдением, что стало понятно: весь остальной мир для Сеньки с этого мгновения перестал существовать. Он ничего не слышал и не видел, кроме золотой сотничьей гривны. Точно такой же, как у деда.

– Минь... – наконец, сглотнув, растерянно выдал мальчишка, окончательно разбивая вдребезги всю им же задуманную торжественность обстановки, и захлопал глазами. – Это... это что?.. Гривна?.. Сотничья? Настоящая?.. А как?..

Лица его старших спутников – Ленки с Гринькой – выражали не меньшее обалдение, но парни сумели удержать себя в руках и промолчали, не поддавшись порыву, простительному младшему. То, что сопровождали Сеньку именно они, Мишка сразу отметил про себя, как дополнительный звоночек, подтвердивший его опасения: появление отроков в полутора переходах от Ратного, да ещё в таком составе, ничего хорошего не сулило, что не отменяло искренней радости при виде живых и здоровых купчат. Хоть и слышал он, что курсанты коммерческого отделения Академии благополучно добрались до крепости, но одно дело знать и совсем другое – убедиться в этом собственными глазами. Правда, слегка подпортило эту радость не

к месту всплывшее воспоминание о том, что Ленька с Гринькой – родичи той самой вдовицы Арины, о судьбе которой отчего-то так неожиданно и подозрительно беспокоились самые разные люди в Турове – от дядюшки Никеши до мутного типа, приставшего к Мишке на пиру.

Благодаря тому, что Арина, кстати сказать, весьма привлекательная молодая женщина, неожиданно свалившись им всем на голову, умудрилась совершенно непонятным образом с ходу, можно сказать, изгоном взять такую неприступную крепость, как сердце Немого, и, с дедова благословения, была признана членом семьи, делало и этих мальчишек почти родичами. Во всяком случае, не чужими. Мишка ничего против такого родства не имел, тем более что где-то в обозе маячил отнюдь не бедный купчина Григорий, отец Леньки и дядька Гриньки. На глаза сотнику и бояричу он особо не лез, но, тем не менее, выдал пару весьма прозрачных намеков, позволявших строить некие, пока ещё смутные планы о создании противовеса ушлому дядюшке.

То, что Сенька прибыл на Княжий Погост в сопровождении исключительно лисовиновской родни, заставляло думать, что сделано это не просто так. Особенно если учесть, что дед и вся сотня должны уже находиться на месте, в Ратном.

Мишкины наихудшие ожидания оправдались, когда после приветствий Сенька, перевалив новости про гривну и княжью милость, вспомнил, наконец, о своих обязанностях гонца и принялся докладывать о том, что произошло дома в их отсутствие. Новости оказались такими, что доклад пришлось прервать, и продолжил его Сенька уже в горнице боярина Федора, где собрались ближники, включая Илью, Егоров десятков и самого боярина. Герр Теодор желал знать подробности последних событий во вверенном ему территориальном округе.

А рассказывать было что! В Ратном случился самый настоящий холопский бунт, да такой, что едва-едва отбились. Корней чуть-чуть не успел – парой бы дней раньше, и сотня как раз подгадала бы к самому побоищу. Но и так не сплеховали: с Божьей помощью, бунтовщиков побили, а немногих сумевших уйти от расправы сотня до сих пор упорно и аккуратно вылавливала по лесу. Правда, и среди ратнинцев потерь хватало.

Холопы убили Беляну, жену Аристарха, а его самого тяжело ранили воины из-за болота, торопившиеся на подмогу бунтовщикам. Староста каким-то образом загодя узнал об их подходе и с теми ратнинцами, которые хоть как-то могли держать в руках оружие, включая немногочисленных новиков и даже воинских учеников, из засады перебил чужаков, но при этом попал под удар сам, да так, что Настена за его жизнь не ручалась.

Сеньку же в сопровождении старших отроков послала в погостную церковь боярыня Анна, заказать молебен о возвращении Михайлы и Младшей стражи. Вполне понятный порыв обеспокоенной матери, после всех событий переживавшей за судьбу старшего сына.

Боярин Федор не на шутку встревожился, как бы его дружок не закусил удила и от ярости не наломал дров вместе с головами. Егор тоже рвался домой: его жена, хоть телесно и не пострадала, но после всего случившегося слегла в горячке. Посему единогласно решили дневку не устраивать, а переночевать и с раннего утра трогаться в путь.

Но на этом сюрпризы судьбы не закончились. Поздно вечером Сенька, уже без свидетелей, тайно передал старшему брату послание от матери, предназначенное только для него. Оно-то и заставило Мишку сразу выкинуть из головы все предыдущие неприятности.

Глава 2

Ноябрь 1125 года Михайловская крепость и окрестности

Жадность фраера сгубила. В верности этого изречения Ратников не раз убеждался в ТОЙ жизни и сейчас лишний раз удостоверился, что судьба непременно найдет средство укоротить губы любителям их раскатывать, а за неожиданное везение всегда так или иначе приходится платить. Как правило, в прямой пропорции.

Обрадовавшись невиданной удаче, которая буквально сваливалась на них несколько раз за неполные полгода, ратнинцы нахапали себе холопов сверх всякой меры и несколько расслабились. Кое-кто и вовсе решил, что уж коли даже строптивых обитателей Куньева городища удалось прижать к ногтю, то жизнь удалась окончательно и бесповоротно. Вот только у многих новоявленных холопов на этот счет имелось свое мнение, которое естественным образом нашло отклик в умах полоняников из-за болота, пригнанных в конце лета.

Что в ту толпу некоторое время спустя затесался не один «засланный казачок», Мишка не сомневался: обалдевшим от такого столпотворения хозяевам своих бы холопов в лицо запомнить – где уж там чужих перебирать. Понятно, что все равно противнику приходилось проявлять осторожность «в тылу врага», и для «подрывной работы» им понадобилось какое-то время, но длительное отсутствие сотни эту работу значительно облегчило. Полыхнуть должно было непременно – и полыхнуло!

С какого перепугу в бунт ввязались семьи мальчишек из Младшей стражи, никто так и не понял – возможно, они и сами не смогли бы это объяснить. Скорее всего, вечное «все побежали, и я побежал», но судьбы бунтовщиков это ни в косяк мере не облегчало. И, что гораздо хуже, Мишкиных отроков – тоже.

Корней от случившегося в буквальном смысле озверел, а поскольку сдерживать его некому – Аристарх лежал чуть не при смерти – воевода обильно залил кровью берега Пивени. Сенька сказал, что снег и лед до сих пор юшкой мечены, а дед щадить никого не намерен. В том числе и мальчишек.

Но даже если бы боярина удалось убедить, то помиловать бунтовщиков не позволила бы сотня. Равно как не намеревалась – не имела права! – оставлять в живых мстителей за казнь родных. Будущие кровники никому не нужны – этот подзабытый было урок ратники вспомнили мгновенно, затвердили намертво и повторять прошлые ошибки не собирались.

Какими соображениями руководствовался сотник, неизвестно. То ли хотел на глазах у всего села схватить ни о чем не подозревавших родичей осужденных бунтовщиков и попутно продемонстрировать Ратному свою верность заветам предков, а заодно и лишний раз напомнить остальным холопам, что «поднявший руку на хозяина повинен смерти», да не один, а со всей семьей. То ли, зная строптивость своего старшего внука, не желал давать тому ни малейшего шанса защитить своих людей, устраивая ещё один бунт, теперь уже Младшей стражи против власти сотника и воеводы... То ли вообще не думал о таких деталях, ибо привык к тому, что его приказы выполняются беспрекословно.

При всей убежденности ратнинцев в своей правоте и в своем праве, давать им это сомнительное поручение воевода не стал, а сговорился с Алексеем, который привел из похода собственную дружину. Вот его-то воям, чужакам в Ратном, и поручили сразу же, чтоб никто глазом не успел моргнуть, выхватить из строя указанных отроков, разоружить их и отдать на суд. Если же по каким-то причинам это не удастся, тогда просто пристрелить их из луков, чтобы не устраивать долгие разборки, чреватые ещё одной замятней.

Как Анна узнала про эти планы свекра – неведомо, но узнала, потому и отправила Сеньку навстречу Младшей страже, придумав вполне годный предлог с молебном и доверив младшему сыну передать Мишке на словах, какая встреча ожидает их в селе.

Именно эти новости и стали причиной того бардака, что устроил на въезде в ворота Илья, и поспешного, без заезда в Ратное, форсирования отроками Пивени. Никак нельзя было допускать, чтобы дед отдал приказ Младшей страже – неважно какой, ибо прилюдное неподчинение молодого сотника воеводе приравнялось бы к бунту, и тогда назад пути уже не осталось бы – только через кровь, и кровь немалую. А вот то, что отроки, не заходя в Ратное, самовольно ушли в крепость, давало шанс потом договориться почти без потери лица и этой крови избежать. Небольшой шанс, но, тем не менее, пренебрегать им не следовало. К тому же Мишка сильно надеялся, что новости, привезенные боярином Федором и Никифором из Турова, немного охладят голову и деду, и прочим горячим парням.

К счастью, мост оказался не разобраным, так как по льду на рысях идти было ещё опасно, а долго возиться с переправой на виду у всего Ратного не хотелось. В общем, после всего произошедшего Мишке для полного счастья не хватало как раз этого самого змея, в лучших креативных традициях приветствовавшего усталое войско при возвращении домой. Хотя, надо признать, что православная тематика изображения вполне соответствовала моменту.

Впрочем, в отличие от отроков, Ратников не мог себе позволить впасть в ступор, а посему оглянувшись на младшего братца и нарочито весело поинтересовался, демонстрируя подчиненным свою невозмутимость:

– Сенька! Не знаешь, кто это у нас в крепости такой рукодельный нашелся? Додумались, тоже мне...

– Так это Кузнечик! – Сенька, как Мишка и ожидал, удивления не выказал, а глядя на эффект, произведенный на старших, лыбился, словно он сам этого чертового змея сделал и запустил. Впрочем, как тут же выяснилось, это предположение недалеко ушло от истины:

– Мы все ему делать помогали! Даже девки полотнище шили... Переживали только, чтоб когда вы приедете, ветер был, какой надо, а то бы не вышло так. А я сразу и сказал, что коли это книжная наука, так ты про нее знать должен. А они ещё спорили! А Кузнечик, он такой, он умеет...

Наличие в крепости какого-то Кузнечика, который «умеет», Мишке мало что прояснило, но разбираться с этим прямо сейчас было некогда – впереди ждала ещё одна переправа. Паром, в силу конструктивных недоработок не снабженный функцией ледокола, через реку уже не курсировал, а лед, недавно сковавший Пивень, был опасен, поэтому переход по нему на тот берег полусотни всадников оказался не самым простым занятием: пришлось спешиться, вести коней в поводу, да ещё и слеги перед собой накидывать. Едва управились до темноты. То, что из Ратного вслед за ними никто так и не пожаловал, конечно, утешало и вселяло надежду, что его расчет оказался верным, но окончательно Мишка успокоился, когда все отроки оказались в крепости, а ворота заперты.

Что бы там ни случилось, а мать от ритуала, заведенного при прошлом возвращении, из-за болота, отказываться не собиралась и приготовилась, как положено. Все атрибуты этого действия, включая построенных в торжественном карауле отроков и девок в лучших нарядах, а также остальных обитателей крепости, присутствовали в полном объеме. После обязательного доклада и прочих официальных мероприятий Мишка ненадолго уединился с матерью, чтобы узнать от нее детали замысла деда.

Только войдя в горницу, Мишка понял, насколько он соскучился по Анне. Лисовин в нем не забыл, что она – самый родной человек, а Ратникова резануло сочувствие при виде новых жестких складок возле губ и на лбу, и темных кругов под глазами. Новый статус боярыни и хозяйки в крепости давался ей явно не просто, но она держалась: вернувшееся из похода войско встречала Боярыня. Здесь же, с глазу на глаз, его ждала Мать.

– Ну, здрав будь... сотник? – Только глухой не расслышал бы в этом вопросе гордости за сына.

– Сотник, матушка!

– И... – полушепотом, – княжий зять?

– Откуда ты?... – за вырвавшийся идиотский вопрос Мишка чуть себе язык не откусил.

«Ну конечно, ей уже обо всем доложили, и наверняка не один раз. Для всей Младшей стражи поголовно, что гривна, что Дунька – одинаково. Княжся награда».

– Оттуда! Птички на хвостах принесли!

Соглашаясь с невысказанными мыслями сына, Анна фыркнула самым неподобающим для боярыни образом и, не удержавшись, повторила вопрос:

– Так все-таки, сынок, правду они мне начирикали, а?

– Правду, матушка, – тяжело вздохнул Мишка.

– Что такое? – моментально встревожилась она. – С невестой что-то не так?

– Да не с ней, – отмахнулся Мишка. – Ты же сама говорила мне, что возле князей – возле смерти. Помнишь, тогда весной? Слишком быстро и слишком высоко взлетаю, матушка. Сама понимаешь, такую дичь подстрелить много охотников найдется, как раз на взлёте ведь и стреляют...

– Конечно, найдутся. Вот только дичь разная встречается. Ты же у меня не утка, а сокол! – и опять в словах Анны звучала откровенная гордость матери за сына, а рука сама собой потянулась вверх – потрепать, как в детстве, голову, пригладить непослушные вихры. – Вот и вырос ты у меня, сынок, скоро и не дотянусь. Нагибаться тебе придется.

Анна приподнялась на цыпочки и дотронулась губами до лба Мишки. И опять Лисовин с Ратниковым, действуя вроде бы одинаково, на самом деле разделились: четырнадцатилетний Лисовин, обхватив мать руками, прижался к ней в поисках утешения, а Ратников обнял женщину вдвое моложе себя, чтобы защитить и поддержать. Анна же, не подозревая об этом раздвоении, купалась в сыновней любви.

– Что с дедом делать собираешься, Мишаня? – Анна освободилась наконец из объятий сына и взглянула ему в глаза. – Сам знаешь, если он удила закусил, просто так его не оставишь.

– Ну, сколько-то времени я сегодня выиграл. Вот только боюсь, матушка, не сам он удила закусил, а его как следует взнуздали, да ещё и следят, чтобы он из хомута не вывернулся.

«Ну что, леди Анна, запускаем мыслительный процесс? Сама додумается или придётся объяснять? Эх, побережь бы ее от этого знания – не бабье дело. Но и она – не просто баба, и не я первый начал....»

– Догадался, Мишаня? – мать улыбнулась, но тут же снова озабоченно нахмурилась. – Ясное дело – не сам, оттого еще больше ярится: не терпит Корней, когда им крутить пытаются, а тут... – Мать даже кулаком слегка по столу пристукнула. – Я пыталась узнать, кто именно, да только больно сейчас в Ратном беспокойно. Слишком много крови пролилось, Мишаня, а кровь отмщения требует.

Анна закаменела лицом. Теперь на Ратникова смотрела не мать, а боярыня. И смотрела не на сына, а на взрослого мужа, с которым сейчас держала совет:

– И ратнинцам плевать, что твои мальчишки ни в чем не виноваты – они из бунтовавших семей. Ты в селе не был, а я там много чего услышала.

– Боюсь, матушка, тут ещё хуже: этой породе все равно, из бунтовавших они семей или нет. И тем более – мальчишки или нет... Мальчишки даже и лучше: можно сильнее на жалость давить и больше выдавить... Скажи, матушка, а кто громче всего крови требует? Те, у кого родичей убили, или?..

«Ну, давай, вспоминай! Женщины такие вещи замечают, не отдавая себе в этом отчета».

Анна прикрыла глаза и замерла, опершись спиной о стену. Руки ее поначалу спокойно лежали на коленях, но в какой-то момент пальцы начали шевелиться, раз за разом сжимаясь в кулаки. Мишка поразился мгновенной смене выражений на лице матери: по мере того, как она что-то вспоминала, оно становилось то недоуменным, то расслабленным, то сосредоточенным, то хищным до кровожадности.

«Вот вам, сэр, наглядный пример процессора в действии. Никакого монитора не надо».

– По-разному было, Мишаня, – боярыня наконец открыла глаза. – Пятеро баб, из тех, у кого родню порезали, совсем обезумели. Их и оплеухами старались в разум привести, и водой отливали – только воют. Но с ними понятно – тут только время поможет. А вот насчет других... Пока ты не сказал, я об этом и не задумывалась, а ведь и в самом деле громче всех казни наших отроков требовали те, у кого только царапины, но...

– ...Но есть причины не любить Лисовинов, так? – подхватил Мишка.

– Пожалуй что так... Всего я не знаю, да и в Ратном не была уже несколько дней, воеводе за это время много чего могли в уши надудеть, чтобы он не остыл, а Листвяне в такие дела встречать пока не с руки...

«Ага, без ключницы тут не обошлось, я так и знал! И, похоже, дамы таки нашли общий язык».

– Ну, любым человеком у власти кто-нибудь да пытается управлять, – усмехнулся Мишка. – Дурные на этом голову теряют, умные – себе на пользу поворачивают. Не думаю я, что дед совсем уж голову потерял – не вчера он сотником стал и не впервой ему с этим кублом разбираться. Что ты сама-то думаешь, матушка?

Анна закусил губу и покачала головой.

– Никому не говорила и не скажу, но мысли у меня нехорошие... Страшно, сынок... Не то страшно, что Корней ярится – страшно, что, выходит, кому-то этот бунт холопский так нужен был, что?.. Даже думать боюсь! Неужто холопов свои подбили? Вы, мужи, все норовите через кровь сделать, но так?..

«Нате вам, здравствуйте! Ни хрена себе вывод! Верно говорят – баба в мужском деле порой жестче и безжалостней любого мужика может оказаться. Тормоза, что ли, отказывают, когда гендерные различия самой приходится в себе убивать? Мать до такого еще не дошла, да и вряд ли дойдет – пока только предположила. Допустила то, что никому бы из мужиков и в голову не пришло бы. Хм... лучше все же не проверять – сможет или нет она сама ТАК решить, если край придет».

– Ну это ты зря! – поморщился Мишка. – Насчет крови ты права, но не с той стороны. Конечно, такая дурь никому из ратнинцев в голову прийти не могла, а вот уже пролитую кровь использовать – это запросто. «Поднявший руку на хозяина повинен смерти» – не на пустом месте появилось, дед этого закона не нарушит. Не может, не дадут ему. И права ты, что те, кто открыто шипит, не так страшны, как те, кто в лицо улыбается и молчит. Только поименно всех их искать смысла нет. С этими... дударями мы еще разберемся, но они говорят не сами за себя, матушка. Они – голос той части Ратного, которой не нравятся перемены в жизни сотни и села, точнее, то, в какую сторону эти перемены разворачивают все Погорынье и с какой скоростью. А еще больше им не нравится то, что во главе Ратного в такое время стоят не они, а мы. Значит, и все сливки с этих перемен достанутся нам, а не им, – Мишка коснулся гривны. – Уже достаются!

А тут удобный случай подворачивается: сотника загнать в ловушку, потому что, с какой стороны ни подойди, любое его решение оборачивается немалой кровью. Если он не согласится казнить моих ребят, отговорится тем, что они из своих семей вышли, то можно обвинить его в нарушении вековых устоев, в том, что пренебрегает безопасностью всего села, из-за чего уже

погибло немало ратнинцев. И потом взять виру за их кровь, то есть разорить Лисовинов так, чтобы ни крошки, ни гвоздя ржавого не осталось. А в придачу к этому ещё и божьего суда потребовать... У нас в роду взрослых мужчин не так уж и много осталось, быстро управятся.

Если же воевода согласится, то тут два выхода, и оба для наших противников опять выгодные. Выдам я отроков – не останется у Лисовинов больше Младшей стражи, ибо кто нам после такого поверит? Не выдам, послушаюсь приказа – это прямой бунт против княжеского воеводы и раскол в роду. Со всеми вытекающими.

– С чем, с чем? – не поняла Анна.

– Со всем, что за такое послушание положено, матушка. В общем, как ни кинь – везде клин. Так что не дурит дед, а злится, оттого что загнали его в безвыходное положение. Если бы твое предупреждение вовремя не подоспело, большой кровью все умылись бы, зато сейчас не только дед голову ломает. Те, кто его под руку толкал, тоже влипли, с полной уверенностью, что против них всего-навсего слишком резвый внук воеводы... – Мишка зло дернул щекой. – Но им в Ратном как раз сегодня растолковали, что на самом деле они замахнулись на сотника князя Туровского и на зятя князя Городненского. А это уже совсем другой расклад. И тут мы можем играть свою игру.

«Тпруу, сэр Майкл. Не вздумайте ненароком брякнуть про козыри с джокерами – и без того у леди Анны вид задумчивый до томности. Не перегрузить бы...»

– А вот теперь давай, матушка, прикинем, кто может уgomонить ратнинских дударей.

– Не знаю, Мишаня... – Анна задумалась. – Кто над ними власть имеет, я не знаю. Но, – она вскинула голову и презрительно скривила губы, – в Ратном быстро посчитают цену горшков, которые они хотят побить... об свои головы... Дураков там, конечно, хватает, но и осторожных – тоже: за Пименом-то не так уж и много народу пошло, хотя Лисовинов многие не любят.

– Значит, договариваться сюда приедет человек осмотнительный, у которого хватило ума не ввязываться в бунт. То ли Пимену со товарищи не слишком доверял, то ли не надеялся, что они верх возьмут – нам-то какая сейчас разница? Важно то, что слово его в Ратном имеет вес, и немалый – пустобреху такое дело не доверят.

– Да, пожалуй, ты прав... Вот только кто это у нас в Ратном такой?.. – Анна замялась, подбирая точное слово.

– Вот и посмотрим, кто договариваться приедет. Можно было бы предположить, что воевода приедет, но если я прав, он им такого подарка не сделает. Они бы, может, и рады, чтобы сотник сам свои терки с внуком решал, но ляп их, и Корней погонит их самих разгребать. Да ещё и открыть кой-кого из своих людей. Так что днями ждём гостей.

«Ну вот, сэр, и определились с ближайшей перспективой. Перебирать сейчас персоналии бесполезно, все равно не угадаем».

– Встретим как положено, Мишаня, не сомневайся. Мне уже сказали, что к плотникам семьи приехали; ратнинцы, небось, их сегодня на руках носят. Пусть, людям хоть немного радости не помешает, а то уж больно много смертей...

– Да, давно в Ратном столько народу за раз не хоронили... – Мишка помолчал, потом заговорил, уставившись на стиснутые кулаки. – Дед не один раз повторял, что самое страшное – смотреть в глаза семье того, кто погиб в походе. А тут не воины – бабы и дети... Старики... И после этого добавлять ещё крови? Не дождутся!

– Потому я тебя и предупредила, сынок, – Анна бережно накрыла тёплой ладонью Мишкины кулаки. – Уж не знаю, как там Листвяна сумела исхитриться и узнать – не выспрашивала, не до того нам тогда было... Вот тебе и недавняя холопка – какую беду отвела! Конечно, не потому, что о нас с тобой печётся. Умна баба, понимает, что ребенка лучше в сильном роду растить. Потому ей верить можно. Пока. А эта... родня... – последнее слово она чуть ли не выплюнула, – большуха, тоже мне!

– Ты про кого это? – безразлично спросил Мишка.

– Про Дарену, конечно! В ратнинской усадьбе у нее ничего не вышло, так она на высылках душу отводила... – вспомнив, с чего начался холопский бунт, Анна опять закипела. – Извела всех своими придирками – как с цепи сорвалась. Первой и получила. Да не одна, ещё несколько молодых, ее же племянницы, живьем сгорели. А все оттого, что дурная баба дорвалась до власти и забыла, что власть – это ей не только право холопов пороть. За род отвечать надо!

– Не она первая, матушка. А Славомир?

Разгорячившаяся Анна замолкла на полуслове, недоуменно уставившись на сына, открыла было рот, да так и застыла. Посидела, закусив губу, – Мишка опять засмотрелся на быструю смену выражений на ее лице – задумчиво покивала, пробормотала себе под нос что-то похожее на «пробклятый род» и, наконец, со вздохом встала с лавки.

– Засиделись мы с тобой, Мишаня. И то – сколько не виделись! Но мне идти надо... – и ещё раз потрепала сына по голове.

«Тяжела ты, шапка боярская – даже с сыном о делах пришлось говорить.

Дурак ты, братец – именно так, а не «сэр Майкл»! Ведь не только не попрекнула, но даже и не напонила, что она ради тебя – хотя на этот раз, будем справедливы, ради всего рода – отказалась от своего последнего шанса на женское счастье. Рудного-то она сдала с потрохами, хотя понимала, конечно, что если бы его дружиннички моих ребят тронули, ни о каком «семейном согласии» и речи быть не могло...

Кхе, так что облом вам вышел, герр Рудный гауптман. Облом и отставка – или я совсем ничего не понимаю в женщинах. И правильно – нечего детей обижать.

А подходящего кабальера леди Анне мы ещё найдём!»

* * *

В общем, боярыня знала ненамного больше того, что уже сказал Сенька, и оставалось только ждать, что в сложившейся патовой ситуации предпримет дед. Чтобы не тратить время попусту и прикинуть как можно больше вариантов дальнейшего развития событий, Мишка собрал совет ближников вместе с Филимоном, исполнявшим в отсутствие Алексея обязанности старшего наставника. Тем более что после ухода Младшей стражи на ляхов покалеченный ратник, по поручению боярыни Анны, занял должность воеводы, да так на ней и оставался, потому что Рудный задерживался в Ратном.

Мизерный шанс на примирение с Корнеем всё-таки имелся, если дед сделает вид, что сегодняшний инцидент – мелкое недоразумение и ничего особенного не произошло, поэтому Мишка решил пока не посвящать отроков во все нюансы. Бунт и сохранявшаяся опасность нападения из-за болота сыграли ему на руку: никого не удивило усиление мер безопасности и ужесточение пропускного режима, включая приказ не пропускать в крепость без предварительного доклада бояричу никого, хоть даже и хорошо знакомых, ныне отсутствующих наставников и самого Илью Фомича. Порядка ради.

– Минь, а если боярин приедет и велит пустить?.. – почесал в затылке обескураженный такими строгостями Роська.

– А хоть и сам князь! – стукнул ладонью по столу Мишка и подмигнул ближникам. – Только зауважает нас за то, что воинский порядок блюдем, как положено, и службу понимаем правильно. Ясно? Выполнять!

Боярыня и воевода с распоряжением боярича согласились, на этом совет и закончился.

А после него навалилось то, о чем Мишка старался не думать все это время, но забыть так и не смог. Юлька...

Мишка ещё в Турове все решил и не переменял бы своего решения, если вдруг получилось бы этот кусок жизни отмотать назад, как пленку. Но решить – одно, а глядеть в ее глаза и знать, что уже не твои они, глаза эти – совсем другое.

И ещё: что-то такое случилось после поездки в монастырь, где три княгини плюс великая волхва выворачивали его мехом внутрь... То ли Ниней его там заворожила, ведьма старая – с нее станется! – то ли монастырский ладан, черт бы его побрал, подействовал и перекрыл канал связи. С чем? А хрен его знает, как назвать! Ратников всегда был атеистом и материалистом и отказываться от своих убеждений не собирался, но после всего, что с ним произошло, не мог отрицать, что есть что-то такое... Непознанное... Не Бог, конечно, сидящий на облаке, а нечто большее, чего пока не мог постигнуть человеческий разум в силу своей природы, как мужчина не может почувствовать и понять женское начало изнутри, ибо иной и по-иному устроен.

Астрал или космос, да хоть карма – называй, как хочешь, главное, оно действует – непостижимо и непредсказуемо, не всегда отчетливо, но действует. Иногда это ощущение так пробивает, что буквально печенкой начинаешь воспринимать прикосновение к твоей душе чего-то незримого. И вот эти невидимые нити оборваны, словно водопад, внезапно застывший в пространстве, как при замершем кадре на мониторе компьютера.

Юлька, ничего ещё не зная об этой катастрофе, с сияющими глазами стояла, как и в прошлый раз, недалеко от матери, и так и тянулась к нему навстречу. Почувствовала она что-то? Или показалось? Но в какой-то момент, когда Мишка встретился с ней глазами, между ними словно рухнуло что-то, и встала глухая стеклянная стена, через которую не докричаться и не достучаться. Или он себе это придумал, потому что уже знал про эту стену заранее, а она так и будет биться об нее, не видя и не замечая, пока тоже не узнает.

Юльку долго искать не пришлось: где же быть лекарке, как не в лазарете? Полноценный медосмотр прибывших она, конечно, провести в этот же день не успевала, но осмотреть раненых и устроить Мотьке выволочку за какую-то найденную оплошность ей времени хватило. Более чем достаточно на первый день – и так уже стемнело, а она все ещё хлопотала, привычно переругиваясь с кем-то.

Мишка задержался возле двери, непроизвольно оттягивая тот момент, когда надо будет войти, а потом остаться с ней наедине. И что-то говорить, отвечать на вопросы, самому спрашивать, а думать только о том единственном, что надо сказать. Пока она не услышала случайно. Если уже не услышала.

Толкнул дверь, сердясь на себя за то, что мнетя на пороге, как пацан, вошел в ярко освещенную свечами горницу – их для лазарета не жалели – и наткнулся на ее потухший взгляд. Знает!

– Ну, здравствуй, сотник... – Юлькин голос звучал ровно и отстраненно. Всего он ожидал – криков, оскорблений, слез... Хотя, пожалуй нет, от Юльки вряд ли, скорее, гордого молчания – не тот характер, но вот это спокойное «сотник» с хорошо знакомыми Настениными интонациями было уже слишком. Делать ему тут больше нечего, разве что повернуться и уйти. Может, так правильнее, но он не мог сбежать, будто струсил.

– Здравствуй, Юленька...

– Опять под железо дуrom подставился? Чего у тебя там? – и снова голос спокойный и деловой, самую малость насмешливый.

– Да нет, обошлось на этот раз.

– Тогда чего не спишь? Отбой уже сыграли... – Юлька пожала плечами и отвернулась, зарывшись в свои торбочки.

Девчонки, Юлькины помощницы, испуганными мышками забились в угол, хмурый Мотька и несколько отроков – постояльцы лазарета – замерли, кто где был, усиленно изображая

из себя живые скульптуры и пытаюсь слиться с обстановкой, но Мишку сейчас они мало занимали. Чувствуя себя полным дураком, он все-таки попытался... Чего? А и сам не знал, чего.

– Поговорить надо, Юль...

– Не о чем, сотник. Да и некогда мне, – Юлька спокойно и устало взглянула на него и кивнула себе за спину. – Видишь же, дел нынче много. У тебя срочное что? А нет, так иди, отдыхай...

Больше ему тут делать было нечего. Мишка повернулся на каблуках и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Все.

* * *

Про змея и его создателя – неведомого рукодельного Кузнечика, который в его отсутствие зашелся в крепости, Мишка вспомнил, уже засыпая. Подумал, что завтра непременно надо увидеться с мальчишкой и, наконец, поговорить. Между прочими делами он успел выяснить, что Кузнечик – это тот самый приبلудившийся мальчонка, о котором ему докладывали накануне похода.

Тогда разведчики Стерва ночью привели из леса беглеца из-за болота. Христиане – дед с внуком – бежали к единоверцам, но поблизости от крепости напоролись на кабана. Дед погиб, а мальчика успели спасти. Мишка, занятый делами по самую маковку, так и не успел с ним поговорить, хотя и собирался, но дело показалось не срочным – куда бы он делся? Да и чего малолетний подмастерье мог знать такого особенного? Выходит, мог все-таки.

Мальчишку на следующий день отвезли к Аристарху, тот его расспросил для порядка и вернул назад, мол, сами с ним возитесь, да и мать сказала, что хочет оставить сироту при крепости – куда его ещё? В холопы – не по-божески, он христианин и сам пришел; выгнать – пропадет, а у них дело всем найдется.

Мишка ничего против не имел, но буквально на следующий день примчался гонец из Ратного с известием о ляхх – тогда и вовсе не до мальчика стало. О пареньке он, естественно, за всеми навалившимися после этого событиями благополучно забыл и, если бы не этот самый змей, так бы и не вспомнил, наверное, пока не доложили бы или сам не наткнулся на него в крепости. Но теперь уже точно не забудет – даже с учетом всех нынешних событий, прижившийся за их отсутствие мальчишка требовал к себе пристального внимания.

«Прежде всего, извольте себе заметить, сэр, что никто, кроме самого Журавля, научить ребятишек мастерить этих самых змеев никак не мог. Это всем остальным вы можете сказки про книжную науку и свою невозможную гениальность втирать, но тот факт, что даже самый-распресамый талантище в этом времени ПРИДУМАТЬ такое не способен, вы под лавку ногой не запихнете, чтобы оно жить не мешало.

Не пытаетесь? Вот и правильно. Ни придумать, ни просто повторить виденное издали этот Кузнечик не сумел бы – только перенять у кого-то. Значит, дражайший Сан Саныч не только по пьяни песни поет и про «духов» своим соратникам рассказывает, но ещё и учит детишек змеев делать? От скуки, что ли?

Ни хрена себе поворот, не находите? Не вписывается это в уже сложившийся у вас образ «соседа». Ведь никто из приведенных до сих пор из-за болота ничего такого не то что не умел, но даже не рассказывал ни о чем подобном! Полевед – понятно, его для дела учили, животновод тоже, а змей зачем ему сдался? Да ещё христиане... Он же их там на колы сажает! А кстати, что с полеведом-то? Неужто и он в бунте замешан? Хоть бы дед его сгоряча не пришиб... Ладно, завтра... Все завтра. Гадание на кофейной гуще – не ваш профиль».

* * *

Следующее утро оказалось пасмурным и хмурым, темная, предвещающая снегопад туча до половины закрыла небо, усугубив и без того по-зимнему поздний рассвет, наступивший гораздо позже подъема. Потому караульные на башнях у крепостных ворот не сразу разглядели непонятный темный мохнатый «сугроб» на противоположном берегу, что каким-то чудом образовался за ночь возле самой переправы. А когда разглядели, то срочно послали за Мишкой и дежурным наставником. Пока те поднялись на башню, утренние сумерки ещё немного рассеялись, и наблюдателям окончательно стало понятно, что таинственное явление есть не что иное, как шкура или шуба, накинутая на кучу лапника, под которой к тому же наблюдается некая форма жизни: время от времени она шевелилась и, кажется, даже делала попытки выбраться наружу.

Как раз к тому моменту, когда Мишка с Макаром поднялись на смотровую площадку, эти попытки увенчались успехом: из-под шубы вначале появилась одна нога в сапоге, потом другая – без сапога, в размотавшейся серой портянке, а потом, пятясь задом, на белый свет выполз и сам обитатель этого лежища – тип взлохмаченный и расхристанный, но обряженный в добротный тулупчик, правда, без шапки и пояса.

– Зюзя!² – ахнул один из караульных.

– Нее... – неуверенно возразил второй, – глянь, у него один сапог есть.

– А шапка где?

Впрочем, головной убор после некоторых поисков мужичок вытащил из недр своего «спальника», заботливо расправил и торжественно водрузил на макушку, предварительно горделиво тряхнув головой, после чего попытался подняться на ноги. Караульные расслабились, но не до конца: отсутствие второго сапога их все-таки смущало.

Попытка встать у предполагаемого Зюзи успехом не увенчалась, зато в результате сложных акробатических экзерсисов ему удалось перевернуться лицом к зрителям, с интересом наблюдавшим с крепостной стены за развивающимся представлением, и усесться на задницу. Оставив первоначальное намерение, пришелец решил удовлетвориться этим результатом своей активности, поерзал, устраиваясь поудобнее на месте, и принялся рассматривать открывшийся ему вид на крепость – даже руку козырьком картинно приставил ко лбу.

При отсутствии даже самых примитивных оптических приборов рассмотреть его лицо со стены во всех подробностях возможности не представлялось, определенно можно было сказать только, что это чужак, ибо такие смуглолицые, чернявые с проседью ни среди ратников, ни среди обитателей крепости не встречались. Мишке пришел на ум лишь отец Меркурий, который остался с обозом в селе, но этот «подкидыш» на него даже издали совершенно не походил – хотя бы потому, что имел в наличии обе ноги. Да и одежда, и общий облик неведомого странника никак не соответствовали воинственному священнику.

Между тем пришелец разглядел на стене наблюдавших за ним отроков и Макара, приосанился, вскинул вверх растрепанную бороденку и открыл рот, намереваясь сообщить им наверняка что-то важное, но с первого раза издать достаточно сильный звук, чтобы его расслышали на противоположном берегу, у гостя не получилось. Он замолк, сообразив, что надо включить громкость, прокашлялся, напомнив Мишке докладчика на заседании парткома перед важным выступлением, и, наконец, сподобился:

– Чего вылупились, ироды?! – в голосе звучало искреннее возмущение высокородного пана, которого холопы не спешат вытаскивать из случайно встретившейся ему на дороге

² Зюзя – зимнее божество у славян. Появлялся в облике старичка в добротной одежде, но без шапки и босиком. Одному из соавторов рассказывали про него в Полоцком музее истории ручного ткачества.

канавы, а легкий нездешний акцент указывал, что язык, на котором он сейчас изволит общаться, хоть ему и хорошо знаком, но не родной. – Не видите – христианину плохо?! И побыстрее там, будьте любезны!

– Эт-то ещё что за осел иерихонский на нашу голову? – несмотря на то, что налицо имелась явно нестандартная ситуация, а учитывая все предшествующие события и недавний бунт, относиться к подобному легкомысленно было бы глупо и непредусмотрительно, Мишка с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться, да и Макар прятал ухмылку в усы.

– Пьяный! – подал голос кто-то из караульных. – Или не проспался... – И добавил со смешком: – Точь-в-точь, как Сучок, когда с рыбалки...

– А вдруг он того... Зюзя все-таки?.. Побережся бы... – снова занудил бдительный отрок.

– Сам ты Зюзя! – возмутился его напарник. – Он же сам сказал, что христианин.

– Христианин? Ну-ка, посмотрим, что это за христианин, – посерьезнел Макар. – Пьян, говорите? Придется его сюда забирать. Сам, похоже, не добредет или в полыню провалится. Опохмелить не обещаю, а мозги прочистим, – он обернулся к сотнику. – Михайла, я сейчас десяток разведчиков за ним вышлю да стрелков на стене поставлю – прикроют.

Операция по водворению в крепость новонайденного христианина прошла без приключений. Разведчики попытались поискать следы на берегу, но дело это было безнадежное изначально: прошедшая накануне конница плотно утоптала снег, а ночью его прихватило ледяной коркой. Отправлять же их на поиски в глубь леса Макар не стал до вопроса неизвестного.

Отроки доставили эту неожиданную «находку» в крепость со всем бережением, буквально пронесли до ворот, подхватив под руки, а он и не сопротивлялся, наоборот, сам же просил поспешать. Одет пришелец был очень недешево, хотя все вещи носили заметные следы продолжительной оргии. И тулуп, крытый поверху дорогим синим сукном, и шапка, отороченная кунным мехом, и шерстяные порты в полоску отнюдь не из ряднины – все это наводило на мысли о немалом достатке. Подобное мог позволить себе если не боярин, то богатый купец. К тому же захваченные разведчиками с места «лежки» пожитки тоже тряпьем не выглядели: две искусно выделанные медвежьи шкуры, шелковый красный кушак с кистями и объемная дорожная сума тоже из хорошо выделанной кожи.

Перед воротами этот то ли пленник, то ли гость – делать выводы на этот счет Мишка пока воздержался – остановился, решительно стряхнул поддерживающие его руки отроков, гордо поправил свой тулуп (второй сапог на него натянули ещё на том берегу перед «эвакуацией») и, пошатываясь, но изо всех сил стараясь изобразить достоинство герцога, прибывшего в свой родовой замок после долгого отсутствия, дальше прошествовал самостоятельно.

Из всех стоящих у ворот пришелец в качестве единственного достойного себя собеседника выбрал наставника Макара, что, в общем, было логично: отроки на роль начальства по всем понятиям этого времени никак претендовать не могли. Для того чтобы миновать ворота и оказаться перед наставником, требовалось пройти всего с десяток шагов, но та сложная траектория, по которой двигался гость, позволила ему сделать этот путь минимум раза в два длиннее. Мишка с веселым изумлением наблюдал за теми замысловатыми коленцами, которые выписывали ноги их неожиданного гостя в процессе преодоления этого расстояния.

«Ну, какой он там Зюзя, не знаю, но назюзюкался дядя знатно».

Продолжительная прогулка несколько утомила путника, но он мужественно продолжал держаться на ногах, когда, остановившись перед Макаром и окатив его и Мишку хорошо выдержанным перегаром, спросил светским тоном:

– Я гляжу, неплохую крепость отгрохали... Когда успели? И кто же сей зодчий, позвольте поинтересоваться?

Правда, широкий круговой жест рукой в сторону крепостных стен, которым сей ценитель плотницких талантов Сучка сопровождал свою похвалу, делать ему не следовало, так как это резкое движение едва не привело к катастрофе – пришелец пошатнулся и только чудом

сохранил вертикальное положение. Утвердившись на ногах, иностранный гость – при ближайшем рассмотрении у Мишки почти не осталось сомнений, что перед ними грек, – перешел к вопросу, который волновал его сейчас более всего:

– Я полагаю, постройку обмыть надо? – И вдруг облегченно выдохнул и даже легонько стукнул себя ладонью по лбу с видом человека, который нашел, наконец, решение сложной головоломки. – А-а-а, так это у вас сегодня наливают? То-то Медведь ещё говорил... А, кстати, где Медведь? Спит? Будите! Я пришел!

«Классика, блин! "Сова, отворяй! Медведь пришел!"» – машинально прокомментировал про себя Мишка набирающий обороты балаган, кусая губы, чтобы сохранить хотя бы видимость серьезности.

Вокруг уже собралась умеренная толпа зрителей. Разведчики, доставившие это сокровище, выглядели как рыбаки, которые добыли редкий экземпляр говорящей рыбы и теперь демонстрировали его восхищенным ценителям; Макар же рассматривал пришельца, как кот, с которым пойманная мышь мало того что внезапно начала разговаривать человеческим голосом, так ещё и потребовала адвоката. Впрочем, при последних словах он резко посерьезнел и решительно прервал представление, обернувшись к разведчикам.

– Тащите-ка его... – Макар задумался, соображая, где лучше всего допросить пленника, и посмотрел на Мишку. – Михайла, не обессудь, но я в твоей светлице в тереме с ним побеседую, – не спросил, а скорее сообщил он. – Там удобнее всего...

И, не дожидаясь Мишкиного разрешения, кивнул отрокам:

– Вон, в ка... в кабинет к бояричу его. Нечего тут...

«Твою ж мать! Это что тут происходит, позвольте вас спросить, господин сотник? Макар никогда не лез выше головы, а тут он незатейливо норовит вас из вашего же кабинета плечом выставить? С чего бы? Отвык, пока вас не было, что ли? И ведь спорить сейчас не станешь при всех... Ну, положим, фиг он угадал, но придется и тут свое право доказывать и все по местам расставлять, тудить его! Как же надоели все эти танцы с бубнами... Ну да ладно, Макар – не Егор, и даже не дядюшка, разберемся...»

Впрочем, додумать свою мысль Мишка не успел, да и разведчики выполнить указания наставника – тоже. Всю мизансцену им поломал радостный мальчишеский вопль:

– Фифан! Дядька Макар, не надо его в темницу, это ж Фифан!

По крепостному двору вприпрыжку мчался какой-то незнакомый Мишке темноволосый мальчонка без шапки и в наспех накинутом на плечи тулупчике, с виду ровесник Сеньки. Проскочив мимо зрителей, он подлетел к пришельцу и радостно повторил:

– Фифан! Ты тоже к нам, да? У-у-у-у, ну и правильно, только тут строго – заарестовать могут... Хорошо, я тебя увидел! – и он опять обернулся к Макару. – Это же Фифан! – причем сказано это было с таким выражением, словно иных пояснений и не требовалось.

– Тимка, не лезь! – Мальчонку сзади за тулуп ухватила Верка Говоруха, которая материализовалась в толпе зевак одной из первых и уже несколько минут вовсю наслаждалась происходящим, а теперь пыталась отправить невесту откуда взявшегося мальчонку себе за спину, но тот упрямо мотнул головой.

– Мам Вер! Ну это ж Фифан!

«Это ещё что за явление, прости Господи? Тимка... Ах да, это тот самый змеевед и змеедел Тимка-Кузнечик, надо полагать... Стоп! А Верка тут при чем? Какая мама, мать их так?! Да что тут происходит?! Или я уже повторяюсь?»

На этом феерия не закончилась. Макар сурово зыркнул на мальчишку и, кажется, собрался его шугануть, но тут взял слово Тимкин подзащитный.

– Не Фифан, а Феофан, юноша! – с достоинством проговорил он, гордо оглядел присутствующих пока ещё мутным взглядом и сообщил: – Фе-о-фан, попрошу запомнить!

– Феофан Грек? – брякнул Мишка прежде, чем успел остановиться.

– Да что вы все заладили – грек да грек! Кстати, откуда вы знаете про грека? Хотя ясно, Журавль отметился. Тоже мне, зубоскал.

«Это что же я пропустил-то? И кто у нас следующий? Эль-Греко или Айвазовский, с передвижниками на подтанцовке? Не-е, похоже, Босх».

Пытаясь хоть как-то собрать в кучу разбегающиеся тараканами мысли, Мишка потряс головой. Прежде всего требовалось решить ряд вопросов: каким попутным ветром занесло к ним это греческое чудо и откуда? Причем тут медведь и сова? Или нет, сова потом сама пришла... И вообще, не является ли все это коллективной галлюцинацией с особо тяжелыми последствиями в результате диверсионной деятельности обиженной Юльки, добавившей Плаве в котел грибочков, или его персональным сном после потрясения основ мироздания вчерашним полетом змея над крепостью?

Мелькнула даже дурная мысль, а не случился ли какой сбой программы у дражайшего Максима Леонидовича в результате перехода количества в качество его экспериментов с переброской попаданцев во времени и пространстве, вследствие чего какое-нибудь подпространство начало сворачиваться в ужасе от содеянного? Впрочем, эту мысль из головы он выкинул сразу по причине не столько ее бредовости, сколько бесполезности в данной ситуации, а также собственной некомпетентности в теории физики переносов, и, как следствие, отсутствия у него данных для любых предположений в этой области.

Феофан-грек тем временем чуточку церемонно поклонился перед аудиторией и вдруг вытарщился на Тимку, словно только что его заметил.

– Тимофей?! Ты? Нашелся! А Медведь уже знает? Там же... Мирон ищет! Сказал – всех на кол, если боярыча не найдут... Кха-кха... Ой...

Он закашлялся, суматошно повозил руками по застежкам тулупа, не глядя на мальчонку, и вдруг махнул рукой:

– Да чего уж теперь! Все уже знают... Ты где шататься изволил, боярыч?

– Че-го?! – Макар поперхнулся и замер с поднятой рукой, Тимка, приоткрыв рот, захлопал глазами, с искренним недоумением уставившись на своего знакомого, стоявшие вокруг зрители, включая разведчиков и отроков из караула, тоже обалдело пялились на участников сцены.

Мишка вдруг понял, что вспоминает в мельчайших нюансах и подробностях давно, казалось, забытую речь их старшины Барбашова, произнесенную тем в каптерке после того, как свалившаяся снегом на голову комиссия из штаба округа, войдя в казарму, попала на генеральную репетицию тремя пьяными, за-ради раскрепощения творческого начала, дембелями танца маленьких лебедей. При этом из обмундирования на героях сцены имелись только сапоги и казенные наволочки, изображавшие балетные пачки. Поскольку Ратников, как пристало мальчику из хорошей ленинградской семьи, посещал в детстве балетную студию, то он закономерно оказался в этом трио центральной «лебедью», и речь предназначалась во многом ему.

Тогда, да и вообще по жизни, он наслушался подобных филологических откровений во множестве, но именно старшина запомнился тем, что умудрился, не умолкая в течение получаса, ни разу не повториться и не произнести ни одного цензурного слова, кроме междометий.

Впрочем, тишина долго не продержалась. Верка, которая так и стояла возле Тимки, видимо, интерпретировала услышанное по-своему, а посему решительно задвинула мальчишку себе за спину и поперла грудью на Феофана.

– Ты чего несешь, лягух болотный? Грек он... Видали мы таких греков!

Но ее атака имела несколько неожиданные последствия. Пришелец, обнаружив напротив себя разъяренную бабу, вместо того чтобы испугаться ее напора, восторженно распахнул глаза, оценив по достоинству стати Тимкиной защитницы.

– Ух ты какая! – причмокнул он, с откровенным одобрением окинув взглядом ладную фигуру Макаровой жены, и поинтересовался: – Это ж кто такая? Тимофей, представь!

– Мама Вера это! – гордо сообщил Тимка, выбираясь из-за Веркиной спины, и похвастался: – У меня теперь матушка есть!

– Матушка? Тогда другое дело, раз матушка...

Грек икнул, испуганно закрыл рот рукой и ещё раз, уже совсем иначе, оглядел обалдевшую от такой наглости Верку. В не до конца проясненных мозгах что-то переклинило, и Феофан, поправив сползшую на ухо шапку, вдруг отвесил Верке поясной поклон:

– Прости уж меня... – Подумал и добавил прочувствованно: – Матушка-боярыня. Не знал...

Он выпрямился, вздохнул и печально посетовал:

– Вот оно как, значит...

Верка замерла с открытым ртом – впервые, наверное, за всю жизнь у Говорухи не нашлось что ответить, только глаза выдавали усиленную работу мысли. Наконец она беспомощно развела руками и обратилась за помощью к мужу.

– Макар? Да что же это делается-то?!

Мишка понял, что пора брать дело в свои руки.

– Так, циркус прекратить! Караульные, почему не на посту? Этого, – кивнул он разведчикам на продолжавшего что-то мучительно соображать грека, до которого только-только стало доходить, что попал он не совсем туда, куда собирался, – этого тащите пока в терем – найдите горницу свободную недалеко от моего кабинета. Там разберемся, – и тут встретился глазами с Андреем.

Немой, незаметно появившийся неведомо откуда – при начале представления его рядом не было – сейчас стоял рядом с Тимкой, по-хозяйски положив руку мальчишке на плечо. Мишке он кивнул одобрительно и подтвердил его последние слова, обращенные к присутствующим, таким взглядом, что все собравшиеся у ворот зрители явственно обозначили потерю интереса к происходящему и стремительно рассосались по своим делам. Остались на месте только Макар, Верка, Андрей, выглядывающая из-за его плеча Арина и сам герой торжества – Кузнечик. Феофана, безуспешно пытавшегося ещё что-то сказать, вспомнившие свои обязанности конвоиры уже волокли к терему.

Мишка посмотрел на Тимку. Тот в ответ выжидающе уставился на сотника широко распахнутыми темными глазищами с длинными, почти девичьими ресницами и плохо скрытым пацанячьим любопытством. Малец как малец. Разве что слегка смуглее, чем остальные, да скулы намекали на некоторую примесь восточных кровей. И вихры темные. Не черноволосый, скорее, темный шатен, если Мишка не ошибался в названии масти.

– Ты чего без шапки-то бегаешь?

– Так торопился я... – Тимка смущенно шмыгнул носом. – Меня Сенька там послал... А тут вижу – Фифан.

Неожиданно Немой, привычно замерший памятником самому себе, отмер, полез за пазуху, вытащил оттуда шапку и нахлобучил ее на голову мальчика.

– Спасибо, дядька Андрей! – поблагодарил его Тимка и снова повернулся к Мишке. – Ну так не мог же я мимо, раз Фифан...

– Ага, не мог, – усмехнулся Мишка. – Так что, ты, оказывается, тоже боярич?

– Наверное... – Тимка неуверенно пожал плечами. – Фифан говорит...

– Что значит, Фифан говорит? – от общего идиотизма происходящего Мишка уже не знал, морочит им голову мальчишка или и вправду не знает.

– Ну, вообще-то мой отец дядьке Журавлю родич, – Тимка почесал нос и вздохнул. – Пока не пропал, за него сколько раз оставался. Но он себя боярином звать не велел, говорил: я – Мастер, это никаким боярством не дается... Вот его и не звали...

Тимка ещё подумал и добавил:

– А бояричем и Юрку никто не зовет.

– Какого Юрку?

– Так сына же дядьки Журавля! – удивился Кузнечик Мишкиной непонятливости. – Но он калеченый, из дома редко выходит.

– А дядьку Журавля ты бы, как и грека, спасать кинулся?

– Так я ж и не... – и замолчал, встретившись с Мишкиным взглядом. Оглянулся на Андрея, потом на Макара, в поисках защиты, но потом решительно вздохнул и признался:

– Ага... Только он бы сюда не прибежал. Мирон его сам боится.

– А грек, значит, боится Мирона?

– Наверное... Мирона все боятся. Кроме Медведя. А грек – он свой! Он хороший и учил нас всему! Ты не гляди, что пьяный – он все-все знает. Даже чего дед не знал...

– А что ж дядька Журавль вас с дедом не защитил, раз вы в побег пошли?

– Так нету его! Как уехал, так, наверное, и не вернулся, раз Фифан сказал, что Мирон нас с дедом ищет... – Тимка снова вздохнул. – Деда говорил, боярин приедет – Мирона точно убьет.

– Значит, Фифан свой, говоришь?

Мальчишка поспешно кивнул.

– Змея он тебя делать научил?

– Не... Папка. Фифан сам удивлялся, когда запустили первый раз, – ухмыльнулся во весь рот Тимка. – Мы с пацанами в слободе часто запускали. Разных. А что образ – это уже тут боярыня Анна велела намалевать. Там волхв изругался бы... И боярыня звать змеем не велела, раз образ христианский, – не пожаловался, а скорее проинформировал он. – А что? Понравилось? Это мы все делали... Для вас...

– Мирон – волхв?

– Да не... – мальчишка скривился. – Мирон с боярином. А волхв – так. Он сам по себе. Да и не боится его никто – он в слободу только по кузнечным делам приходит, когда пускают. Просто кричит много. А грек с ним спорит...

– Грек христианин?

– Ну да... И волхва он как-то раз вообще побил.

– А Мирон?

– Да кто его знает! – задумался Тимка. – Крест нательный ему дед делал, а потом ругался, что он его надевает только когда с боярином куда едет, а сам с волхвом на их праздники в храм ходит, Сварога славить.

– А вы ходили?

– На праздники – нет. Но в храме работали. Дед потом поститься велел и молился.

– А отец Моисей у вас бывал?

– Это священник, что ль? Не-а... Я про него и не знал – тут уже сказали, что есть у нас там такой. Он к нам не ходил, в слободу только своих мастеров пускают или по делу кто. И слободским без охраны не выйти. Мы сами молитвы читали, – пояснил он и, не удержавшись, похвастался. – А зато меня здесь крестили! И теперь дядька Макар и тетка Арина у меня крестные!

Теперь Мишке стал немного понятнее интерес Андрея к отроку, да и с «мамой Верой» прояснилось.

«Усыновили Макар с Веркой, значит, сироту, у них-то одна дочь. Логично... Блин, а ведь придется им теперь боярство давать! И не отвертись... Стоп, сэр! Но это выходит, они теперь и ваши родичи? И Макар с Веркой, и боярич этот новоявленный, который Журавлю родня... М-да-а... По-сравнению со всеми остальными новостями, это уже пустяки между делом.

Ну что ж, сэр, должен признать, увертюра впечатлила. Пошли слушать арию».

Предчувствия Ратникова не обманули: подтверждение этому он получил немедленно в качестве ответа на свой же следующий вопрос:

– Не выйти, говоришь? Так вы же с дедом вышли? И грек.

– Нас дядька Медведь провел. И Фифана он тоже, видать... – Тимка почесал в затылке. – Иначе бы никак...

– А Медведь?

– Что Медведь?

– Он кто?

– А он у лешаков главный. С ним дядька Аристарх говорил...

«Какие ещё лешаки?!»

Мишка посмотрел на Андрея, стоявшего рядом с мальчишкой. Немой утвердительно коротко прикрыл глаза, а потом показал взглядом на Макара. Наставник до этого момента внимательно наблюдал за происходящим, но не вмешивался, только слушал разговор молодого сотника со своим крестником и, похоже, что-то решал про себя. В ответ на вопросительный взгляд Мишки кивнул утвердительно.

– Все так, Михайла. Только негоже тут разговаривать. Пойдём в терем, – и повернулся к Верке с Ариной. – Чего смотрите? Тимку никто не обидит – идите себе...

Верка было открыла рот, но ее опередила Арина.

– Так и не было нас тут, Макар, – спокойно сообщила она. – Мы с Верой о своих делах говорили, недосуг нам слушать, что и где... – и, подхватив подругу за рукав, потянула ее прочь. Верка, против обыкновения, так и не издав ни звука, пару раз открыла и тут же закрыла рот, кивнула Макару и поспешила за Ариной.

Мишка снова посмотрел на Тимку.

– Выручить своего грека хочешь?

– А чего его выручать... – попробовал было тот непонимающе захлопать глазами и сделать невинно-наивную физиономию, но Мишка смотрел серьезно – прямо в глаза.

– Так хочешь или нет?

– Хочу... – вздохнул Тимка, признавая свое «поражение» и кивнул уже по-деловому. – Чего делать надо?

– Пока ничего. Пока ты все правильно делаешь. А на будущее – хитрить не надо, сразу говори, если что. А где надо схитрить – я тебе сам скажу. Понял?

То, что Тимка не стал упираться и оправдываться – мол, я и не думал – а просто снова кивнул, Мишка оценил и продолжил:

– Тогда так. Я сейчас с наставниками поговорю, а ты нас подождешь, возле моего кабинета. Потом вместе с твоим Феофаном и побеседуем. Понял?

Мальчишка вытянулся, демонстрируя, что время, проведенное в крепости, он зря не терял, и бодро отрапортовал:

– Так точно, господин сотник! Ждать у кабинета, пока не позовешь с Фифаном говорить!

* * *

– ...Да пойми ты, Михайла! Не могу я тебе всего сказать! – Макар досадливо поморщился, чем-то напомнив Мишке Егора во время их памятного разговора перед освобождением княгини, когда десятник его так гениально развел, заставив взять на себя ответственность за операцию. Вот только Макар сейчас, похоже, не играл.

– Тимка сразу ко мне попал. Только потому Аристарх меня к этому делу и пристроил, мальчика оберегать и присмотреть за ним. И не знаю я всего, о чем староста с Медведем догова-

ривался – без меня они встречались. Тимка мой крестник, вот за него отвечаю и перед Богом, и перед людьми, ну так от этого и не отказываюсь. Точно тебе скажу – про боярство он не врет. И правда, видать, не знал или не думал, иначе уже проговорился бы...

Макар задумчиво покрутил головой:

– Удивительно, конечно, как о таком можно не знать, но там у них все не по-людски устроено, в слободе этой. Видать, не велено говорить и все. Кто его знает, от кого этих мальцов берегли... Мож, и не говорили ему нарочно. И учили его не на боярича, а на мастера, но тоже как-то наособицу. Сколь живу – нигде такого не видел. Вроде и ремесленник, а не простой. Нам с Аристархом сразу в глаза бросилось, что он не как все: блаженным его не назовешь, однако все равно как не от мира сего. Тебе рассказать тогда так и не успели – мы с ним в тот день поздно в крепость вернулись, а наутро вы в Ратное ушли, а потом на ляхов. Почему Аристарх не сказал, так это ты не у него – у деда спрашивай, с сотником обо всем говорено. Не про Тимку, конечно – про Медведя. Аристарх с ним встретился после того, как вы ляхов побили и к Князьему Погосту пошли, а сотня ещё в селе задержалась...

Мишка слушал и охреневал, хотя до того казалось, что уже и так охренел – дальше некуда. Выяснилось, что очень даже есть куда.

Теперь, наконец, стало понятно, почему дед, прекрасно зная про разворощенное осинное гнездо за болотом, увел в поход и сотню, и Младшую стражу. Похоже, Аристарх от этого самого Медведя привез какие-то гарантии. И что? Гарантии, выходит, не сработали? Бунт-то из-за болота кто-то поддерживал. Или, напротив, сработали? По всему получалось, что староста откуда-то заранее узнал, где встречать подмогу, которая шла к мятежникам из-за болота. Там и устроил засаду. Потому и не дошли вои, посланные на помощь бунтовщикам, – всех положили.

Да и бунт мог обернуться худшими последствиями, если бы староста перед этим не услал холопов от семей из Ратного, на лесозаготовки. Собственно, если бы на выселках не загорелось, могло бы все и обойтись, потому как после возвращения сотни тем более никто бы не решился бунтовать, но не повезло. И тут уже Аристарх неповинен – не мог он разорваться. Оттягивал, как мог, но чуть-чуть не дождался.

Бабам в Ратном, конечно, и так досталось, но им и поспешившим на выручку отрокам и девкам из крепости пришлось иметь дело только с холопами, вооруженными кто чем придется. Толпа – не войско. А если бы и впрямь подоспели те три десятка воев, которых побили в лесу староста с мужами, что могли держать в руках оружие, да с воинскими учениками – тогда кранты Ратному. Среди бунтующих набралось всего несколько воинов, так и то они едва-едва ворота не высадили – хорошо, Сучок со своими подоспел.

Эпическая, без преуменьшения, история про оборону Ратного плотницкой артелью впечатляла. И, что уж там – вселяла надежду: нет, зря иной раз Мишка грешил на своих нынешних современников, мол, дальше своей задницы не видят. И такое, конечно, случалось, и, скорее всего, до того времени, когда понятия «Родина» и «Отечество» удастся сделать тут такими же значимыми и святыми, какими они были для него самого, он не доживет, а все же... Сучок-то на смерть пошел. Живота не пожалел за други своя – без всяких скидок и дурацких ухмылок.

«Признайте, сэр, что плотники в этом бою проявили не просто отвагу, а настоящий героизм. В бой они кинулись почти гарантированно без единого шанса выжить. Мужики неглупые, битые и то, что происходило там, видели: против них озверевшая толпа, а они с одними плотницкими топорами и без брони, даже самой непулящей. Что из крепости уже идет подмога, они не подозревали и все-таки не отступились. Могли ведь сторонкой-сторонкой и отойти хоть в крепость, хоть в лес и там пересидеть, пока все закончится. В крайнем случае, подались бы до Князьего Погоста, мол, убежали со страху – их бы и не упрекнул потом

никто. Закупы, а защищали село, в которое их сослали за долги. Значит, и они тут своими стали, и Ратное для них большие не чужое. Сучок – скандалист и пакостник, каких поискать, и тем не менее...»

Впрочем, пока что требовалось решить насущные вопросы. По всему выходило, что перед самым походом дед санкционировал переговоры старосты с неведомым Медведем – командиром лешаков, как сказал Тимка. Надо думать – тех самых «пятнистых». Как и почему приближенный Журавля вдруг сам пошел на такой контакт, да ещё и привел в крепость боярича Кузнечика, до чего они с Аристархом договорились, и что вообще произошло в Жури, знал только сам староста, который сейчас лежал без памяти. А Макар не решался без его благословения выдать Мишке допуск к информации с грифом «Совершенно секретно».

«А ведь герр бургомистр у нас, похоже, ведаёт не только хозяйственными делами общины. Когда сотня уходит в поход, невозможно охранять богатое село, оставаясь с женщинами и пацанами, в окружении недружелюбных соседей, и при этом не стать разведчиком, контрразведчиком и дипломатом в одном флаконе. Иначе на месте Ратного давно бы головешки травой порастали. Этакое КГБ Ратного в одном лице. Тайный приказ, если угодно подыскать более близкую данному времени терминологию.

Похоже сэр, вас снова ткнули носом в новое откровение о структуре сотни. Интересно, как много открытий чудных вам ещё предстоит сделать по мере повышения своего статуса? А вы чего хотели, собственно? Сами могли бы догадаться, что зеленому лейтенанту, каким вы пока что являетесь в глазах деду, несмотря на все его на вас надежды, никто не станет раскрывать всего. Ратное – это гарнизон на осадном положении со всеми отсюда вытекающими, и никто не отменял введенное сто лет назад чрезвычайное положение в варианте двенадцатого века.

Сотня просто не выжила бы эти сто лет, если бы не озаботилась подобной структурой. И, похоже, в эти дела старосты сотник без особой нужды не лезет, а получает только необходимую ему информацию.

...Елки-палки, а такой ли уж неожиданностью на самом деле оказалась Журь для лорда Корнея, не говоря уж про самого Аристарха? И поход этот за болото – такой ли уж экспромт? Ладно, с этим разберемся по мере поступления информации, сейчас надо разбираться с конкретной ситуацией...»

– К сотнику надо! Пусть он и решает.

«Приехали, сэр... Думайте быстро, как выкрутиться! Пока лорд Корней свой ход не сделал, посвящать Макара в тонкости ваших взаимоотношений с дедом уж очень не хочется, да ещё вопрос, как он тогда среагирует... Ладно, попробуем зайти с другой стороны».

– И что ты воеводе собираешься докладывать? Грека-то Медведь именно сюда доставил, а не в Ратное. Медведь знает, что Аристарх тебя к Тимке приставил?

– Знает, – кивнул Макар.

– Значит, ему надо встретиться. И, видимо, срочно. Случилось там что-то, если он грека вот так, неожиданным подарком, к нам притащил. Аристарх сейчас без памяти лежит, наверняка Медведю и это известно. Кто-то ещё в Ратном в эти дела посвящен?

– Кроме сотника разве что Егор, – Макар задумчиво почесал в бороде. – Их десяток прикрывал Аристарха с Тимкой, когда он с Медведем договаривался.

«Кхе, как изволит выражаться лорд Корней, все любопытственнее и любопытственнее, не находите, сэр? Опять Егор и его команда. Чем дальше в лес, тем толще партизаны... Вы же сами мужиков в спецназеры определили, так чему удивляетесь? Макар воин опытный, но общевойсковик, если на наши деньги, с делами Тайного приказа раньше, похоже, вот так непосредственно не сталкивался, хотя и в доверии у старосты. А вот Егоров десяток – дру-

гое дело. Логично, что они приписаны к соответствующему ведомству и если Аристарху не подчиняются напрямую, то переходят в его распоряжение для подобных операций.

А не староста ли поручил Егору за вами в походе приглядывать? Ну, помимо того, что дед... Хотя, вероятно, тут мы имеем полное непротивление сторон, так сказать. Тем проще...»

– А ведь Егоров десяток воевода в походе к нам приставил. С ними мы и из Турова вернулись, – прищурился Мишка. – Не Алексея или Глеба, а Егора. Я же не только сотник и боярич, но и Окормля. Вот оно что... – протянул он задумчиво, словно рассуждал сам с собой. – Егор не столько боярича оберегал, сколько Окормлю наставлял... Теперь многое ясно стало.

То, что перед походом Аристарх мне ничего не сказал – понятно, нужды не было, раз уходили; в походе не про то думать надо, а вот сейчас... Сам посудите: Туробой ранен, Егор был с нами в походе и обо всем, что у вас тут в наше отсутствие происходило, тоже понятия не имеет. Кроме того, все, что в крепости случилось или может случиться – мое дело. Я теперь за все отвечаю не только перед воеводой, но перед князем, как его сотник. Так что, дядька Макар, пока, кроме тебя, некому меня дальше учить.

«Вот, теперь у Макара два выхода: или принять на себя ответственность РЕШАТЬ или спрятаться за железобетонную отмазку всех времен и народов – «не велено». В первом случае сделать заявку как бы не на боярство, с учетом статуса его приемыша, а во втором – расписаться в отсутствии претензий на что-либо большее, чем место рядового наставника, руководствующегося старой солдатской премудростью: подальше от начальства – поближе к кухне; тепло, светло, сытно, а от мух и отмахнуться не в лом. Ну, давай, Макар, не подведи! Не дурак же – дурак к Аристарху в доверие не попал бы. Решать надо, причем здесь и сейчас – воеводу ждать некогда, у нас тут перрон отходит – держи вагон...»

– Тебя, пожалуй, научишь! – Макар, судя по всему, с трудом сдержался, чтобы не выругаться. – Меня самого кто бы раньше научил! Надо с греком вначале поговорить, может, и выясним, с какого перепуга его сюда, как пороса в мешке, притащили да нам подбросили. А там и решать будем.

– Грек Тимофею вроде как не чужой, – кивнул Мишка. – Он его когда увидел, в самом деле обрадовался, как родному. Пьяный-пьяный, а тут трезветь начал. Думаю, пусть он поговорит с мальцом, пока не до конца в себя пришел, а мы с тобой послушаем. Медведь же его к нам не просто так прислал...

Грек и правда уже почти протрезвел, но зато теперь маялся жестоким похмельем, судя по бледной физиономии и тому, как зябко он кутался в свой тулупчик, несмотря на жарко натопленную с утра печь.

«Сколько же он пил-то, если не заметил, как его через болото тащили, и вообще не помнит дорогу? Черт, и налить ему сейчас нельзя, а надо бы – как бы его белочка не стеганула – тогда расспрашивать и вовсе некого станет. Интересно, Юлька с таким явлением, как алкогольная абстиненция, справится? Ладно, будем надеяться, продержится с полчаса, а потом и нальем – не звери же...»

К счастью, пока что симптомов помутнения рассудка у Феофана не проявлялось. Напротив, он оглядел присутствующих настороженно и изучающе. Когда разведчики, повинувшись Мишкиному приказу, вышли за дверь, Феофан дернулся то ли поклониться, то ли подойти к столу, где сидел Мишка с наставниками, но передумал, нарвавшись на взгляд Немого, и замер на месте. В его нынешнем состоянии любые резкие движения наверняка причиняли немалые мучения: Ратников пару раз в жизни имел опыт подобного погружения в эту нирвану и хорошо помнил ощущения, когда обстоятельства из нее резко выдергивают. А в данном случае обсто-

ятельства сами по себе любого закоренелого трезвенника-язвенника заставили бы вспомнить о выпивке.

Хотя при взгляде на Андрея Феофана заметно передернуло, присутствие Тимки немного выправило ситуацию – взглянув на него, грек не то чтобы расслабился, но как-то успокоился и взял себя в руки. И, оправдывая Мишкину надежду, что с мальчишкой он станет разговорчивее, обратился к Кузнечику:

– Так, значит, вот куда вы с дедом подались... А сам-то Гордей где? Небось, в мастерской?

Тимка сник, словно с разбега нарвавшись на неожиданное препятствие, и опустил голову.

– Нету деды... Кабан его в лесу задрал, – шмыгнул он носом. – Меня разведчики спасли...

– Вот оно как... – Феофан тяжело вздохнул, вытер лоб, поклонился присутствующим и машинально пошарил рукой у себя на поясе, потом поднял взгляд на Макара, видимо, выбрав его в качестве главного:

– Благослови вас Господи за Тимофея нашего, что пропасть ему не дали! – Мишка почувствовал, что грек их сейчас благодарит за спасение не боярича, а конкретно вот этого вихрастого пацаненка. – А Гордей... Стало быть, судьба... Помянуть бы? – в голосе грека не слышалось и тени просительного заискивания – скорее просьба уважить погибшего. – У меня при себе сумка была, там фляга. С кальвадосом. Прикажи принести, мил человек, уважь... Гордей того стоил. Мастер был от Бога... – и опять Феофан не лукавил, говорил искренне. Похоже, смерть Тимкиного деда его огорчила настолько, что он на какое-то время забыл опасаться за свою дальнейшую судьбу.

– Эта? – Мишка пододвинул к себе лежавшую на лавке сумку грека, которую вместе с его остальными вещами разведчики принесли в кабинет перед началом разговора. Собственно, кроме фляги да нехитрой закуски в виде луковицы и куска сала с хлебом, завернутых в чистую тряпицу, ничего интересного в вещах Феофана не нашлось, что укрепило Мишкины подозрения – эвакуация проводилась спонтанно и в спешке. Про это он и спросил, доставая кружки, пока грек, приняв из его рук свое сокровище, вытаскивал пробку:

– Гляжу, в дорогу-то наспех собирался? Что так? – и кивнул Тимке. – Пододвинь скамеечку дядьке Феофану – вон у стены стоит.

Мальчишка кинулся выполнять указание, а грек горестно махнул рукой.

– Так разве ж я собирался? К виноделу новому собирался, было дело, с собой десяток кувшинов взял, но мы их, кажется, там и того... – сокрушенно развел он руками.

Подумал ещё и с надеждой поглядел на Макара:

– А может, и не того? Может, послать туда, а? Не должно быть, чтоб мы вдвоем столько... Охране-то из бочонка наливали. Или Медведя попросить, чтоб послал.

– Может, и пошлем, – хмыкнул Мишка и кивнул на расставленные кружки. – Наливай, помянем мастера.

Феофан с некоторым сомнением посмотрел на Мишку, потом покосился на Макара и осторожно спросил:

– А не рано ли, юноша? Сие питье крепкое зело.

– Знаю. А потому мне чуть плесни, только ради уважения. Да и себе много не наливай – разговор-то мы только начали. А вот Тимофею и впрямь рано. Молитвой деда помянет.

Мишка, все это время не упускавший из внимания мальчонку, с одобрением отметил, что Тимка готов всячески защищать и опекать своего Фифана. Вот и сейчас он только шмыгнул носом и перекрестился, но смолчал и остался стоять за плечом грека.

Выпили молча. Феофану заметно полегчало, во всяком случае, лицо приобрело некоторый румянец, а взгляд – ясность. Зажевав куском сала живительный глоток, он с тоской посмотрел на флягу, но от дальнейшего лечения воздержался.

– Да-а... Строго тут у вас поставлено, – обернувшись к Тимке, он притянул его за плечи к себе поближе. – Я сразу так и понял, когда вы с дедом пропали, что без Медведя не обошлось,

и Мирон тоже, похоже, уже догадывается... – вздохнул он. – Правда, обвинять напрямую не решается, но лютует сильно, а дней десять последних и вовсе мечется.

– Из-за этого тебя Медведь сюда привел, да?

Тимка осторожно потерся щекой о плечо грека и убежденно добавил:

– Тут тебя Мирон не достанет! А теперь и подавно! Тут охрана знаешь какая?

– Да уж вижу, что охрана, – серьезно кивнул грек. – Это из-за тебя, что ли?

– Не, – помотал головой Тимка. – Тут вообще так. Это потому что крепость воинская.

– Что крепость, я вижу... Только чего сия крепость охраняет? У нас понятно – слободу, – задумчиво проговорил он, рассуждая сам с собой. – Боярина нашего тоже охраняют. Так он боярин, ему положено. А тут кого?

– Так вот же боярич! – Тимка указал на Мишку. – Сотник наш. Он тут самый главный!

– Главный?

Грек перевел взгляд на молодого сотника, потом поглядел на Макара. Осторожно покопился в сторону Немого, подумал с минуту-другую о чем-то и, наконец, спросил:

– Так это ты, юноша, тут такой... э-э... режимный объект устроил? И кабинет этот – он осторожно обвел рукой вокруг себя, – тоже твой? Кто же тебя научил сему?

«Интересно, откуда он таких словечек нахватался? Вернее, на что ссылался их боярин, когда вводил им этот новояз? Вы на покойного отца Михаила и его книги киваете, а тут знания не христианские... Впрочем, а кто сказал, что они языческие? Знания – они знания и есть, сиречь наследие от древних. Аристотель тоже не христианин, однако же признается за авторитет. Но ловок, шельма, норовит повернуть разговор так, чтобы не мы ему, а он нам вопросы задавал. Ну уж нет, обобьется. А светскую беседу и мы вести умеем...»

– Было кому учить, – кивнул Мишка и усмехнулся уголком рта. – Впрочем, хороших учителей много не бывает, если желание учиться есть. На том стоим и стоять будем. Только ты сам сказал, охрана положена боярину, а у вас Слободу охраняют. И что в той вашей слободе такого, что ее охранять требуется не хуже боярина?

– Коли учен, то, может быть, и слово такое слышал – «тайна коммерческая»? – прищурился Феофан. – Вот она и есть.

«Тайна-то тайна. Только вот коммерческая ли? У Журавля на лице следы, по описанию похожие на пороховые. За болотом мы на огнестрел, слава тебе Господи, не нарвались, и никто из пленных ни о чем подобном даже не заикался, но такую тайну как раз в слободе и беречь. Тимка говорил, что грек ученый, а эта публика сейчас не может не знать с алхимией. Чем черт не шутит? Узнать-то надо...»

– Коммерческая, говоришь? То есть торгуете и технологии от конкурентов таите? – быстро спросил Мишка, с удовлетворением констатируя, что слово «технологии» у Феофана недоумения не вызвало. – А порох тоже на продажу делаете или для себя только?

– Да какая продажа! – поморщился грек. – Всего-то и удалось сделать горшочек маленький. Пыхает хорошо, но и что с того? Его ещё надо довести до того места, где им пыхать. А как, если он у тебя в руках полыхнуть пытается. Только и получилось, что дверь в курятнике разнесло. А все от излишней поспешности – боярину хотели угодить, видишь ли! Говорил я – рассчитать надо... Баб напугали, петуха пришибло, куры нестись перестали, да черт бы с ними – порох зря извели! А его делать дорого: сколько трудов да трат даром, теперь все снова...

Он вдруг запнулся на полуслове и застыл с открытым ртом, потрясенно уставившись на Мишку. Подумал немного, икнул и осторожно поинтересовался:

– Про порох тебе кто рассказал? – строго посмотрел на Тимку. – Тимофей, ты? А сам откуда знаешь? Неужели до моей лаборатории добрались? Сколько раз говорил – туда носа не совать! Без головы остаться можно...

– Не, нам тогда подсмотреть не получилось.

Тимка, вероятно, впервые слышал эти подробности и сейчас, несмотря на всю серьезность момента, наслаждался своей причастностью к тайне. И тут же попытался добыть ещё кусочек интересующих его сведений:

– Так это от пороха в тот раз так бумкнуло? Мы только слышали, что ворота над речкой летали и петух на ту сторону плыть собрался, а от чего – не знали. А такой бабах был! – не сдержал мальчишка своего восторга. – И ворота в щепу, они, правда, старые совсем были, а все равно здорово! А его трудно делать?

Мишка краем глаза заметил, как лицо Макара окаменело почти до состояния Андреева, а у Немого потемнели глаза; не приходилось сомневаться, что оба воина прекрасно оценили пассаж про выбитую дверь и «бабах» от маленького заряда, хотя ни один, ни другой о возможностях огнестрела понятия не имели.

«Дай бог, чтоб и не получили. Не хватало сейчас тут бомбы – и так не скучно живем... Но известие, что пороха мало, он дорог и изготовить его быстро не получится, утешает. Спасибо, Фифан, успокоил... Хотя... А какие ещё сюрпризы там заготовлены?»

Поговорить я тебе дал, почувствовать себя в разговоре ведущим позволил, теперь пора инициативу перехватывать – желая ее себе вернуть, ты язык, надеюсь, и развяжешь...»

– А что боярин за оружие хотел сделать? – поинтересовался Мишка, оставив пока без ответа вопрос грека «откуда», но зато сделав себе четкую зарубочку на его словах о лаборатории.

– С оружием плохо. Порох делали, чтоб скалу подорвать, – машинально ответил грек и снова резко осекся, напряженно глядя на Мишку так, словно впервые его заметил. Но вопросов больше не задавал.

«А вот это весьма интересно, досточтимый сэр! И где же это Журавль на наших болотах скалу нашел, и чем она ему мешала, что он порохом озаботился? И смотри, как замолчал сразу, будто лишнего сболтнул. Макар с Андреем вон как уши наострили – мигом сообразили, что если двери от курятника летают, то ведь и ратнинский тын при случае полететь может – не скала, чай... А ну-ка, подкинем ещё вопросик в топочку Феофанового любопытства. Он уже и так на вас вылутился, как на говорящую собаку, может, от удивления ещё о чем интересном проговорится».

– Чтоб в руках не взрывался и горел лучше, его гранулировать надо.

– Экспериментирую пока – с гранулированием плохо получается, да и мало совсем осталось – два года кобыле под хвост с этим салютом! – машинально посетовал грек и снова замолк, что-то мучительно соображая про себя.

– А компасов у вас много? – демонстративно игнорируя выразительные взгляды Феофана, продолжал расспрашивать Мишка.

– Да пяток сделали, – грек вздохнул с сожалением. – Правда, там без Гордея трудно придется – тонкую работу всю он исполнял. Может, вот Тимофей теперь освоит...

– А как стрелку намагничивали? Магнитным железняком?

Грек смотрел на Мишку со все возрастающим удивлением, словно до него вдруг стало доходить нечто сродни откровению.

– Нет, слабые они – не получается, – после некоторой заминки тем не менее ответил он. – Электрикой...

«Охренеть пять раз и не встать! Надеюсь, они там электрификацию всей страны... Тьфу! Журавлиных земель не затеяли? Хотя сделать на коленке элементарную батарейку любой пацан сообразит...»

– Батарея, значит... А электроды из чего? Медь и железо? Значит, компасов можно много наделать, если понадобится... – последнее Мишка проговорил скорее про себя.

– Ну, как много? – Феофан с сомнением пожал плечами. – Одна катушка есть. Можно, конечно, ещё сделать, только это чистую медь опять надо, а где ее возьмешь? Потом проволоку тянуть тонкую, а потом изолировать опять же....

– Проволоку тоже медную делали?

– Не получается с медной, – ухмыльнулся грек, довольный тем, что тут Мишка не угадал. Несмотря на терзавшие его вопросы, глаза его невольно разгорелись. – Тонкая очень, рвется. Серебряную сделали.

– Электрику для чего применяете? Не ради одних только компасов возились?

– Ещё серебрение и позолоту делают, – грек отмахнулся, – но это не интересно, я вон мастеров научил, они сами. А вот для чего ещё? Боярин говорил, через нее даже говорить можно, хоть за сто верст...

– Можно, – согласился Мишка, – только опять провода нужны, и много. И проводить их... Не получится – только если забавы ради...

– Да где же ты все это постиг, юноша?! – не выдержал, наконец, Феофан. – Боярин наш то же самое говорил...

– Боярин или ученый человек, что у него в клетке сидит? – резко спросил Мишка.

Грек неожиданно икнул, закашлялся, посинел и прохрипел:

– Тимофей! Стукни! По спине...

Пока мальчишка старательно стучал его по хребту, Феофан быстро поднес палец к губам и показал глазами на Тимку. Видимо, обсуждать этот вопрос при бояриче он по какой-то причине не желал.

«Ну и ладно – главное, вовсе не отказывается. И не таится. Одно слово – ученый. Похоже, весь в своей науке. Где же его Журавль откопал? Вон как глаза загорелись, когда начал рассказывать про свои опыты; если бы его не прервали, мигом скатился бы на обсуждение технических деталей. Значит, из этого и будем исходить.»

Надо как-то объяснить свою осведомленность в этих технических деталях, а то у Макара тоже вопросы в глазах светятся, и не надо ему их оставлять. Впрочем, лишние сущности плодить не будем: есть у нас покойный отец Михаил и его «библиотека», про которую вы даже мадам прабабушке успели макаронных изделий на уши навешать – вот ее и далее задействуйте по полной программе. А главное, сам грек тут вам лучшее алиби: о чем именно мы говорим, мужики вряд ли половину поймут, но то, что говорим на одном языке и оперируем одними понятиями, не могут не усесть. И, значит, ничего уникального в них нет, раз они известны уже достаточно широкому кругу людей. От этой печки и будем дальше плясать...»

– Спрашиваешь, откуда мне сие известно? – Мишка уставился на грека. – От учителей. Был у нас тут священник, отец Михаил. Погиб от руки находников. Человек редкого ума, образование получил в Константинополе. Он мне и давал читать списки. Что-то сам переводил с иноземных языков, а что-то уже по-нашему написано. Наука та христианству не противна. Вот только откуда у язычников эти знания? Или ты их им принес? Ты же от Христа не отрекся, а у нас говорят, там за крест на колы сажают...

– За крест? Да кто ж такое врёт? – поперхнулся от возмущения грек. – Вон Тимофей христианин, и дед его христианин был, и отец... – тут Феофан снова покосился на Тимку и не очень умело сменил тему. – Вон, у Медведя спроси. Он хоть и язычник, а человек правильный и врать не станет... А кстати, где он? Мне вообще-то домой пора – Мирон и так орал дурным голосом, отпускать не хотел, уж и не знаю, почему вдруг передумал. А задержусь у вас – и вовсе потом ни по какой нужде из слободы не выпустит, даже под охраной...

– Что, Мирон у вас главный? – приподнял бровь Мишка. – Разве ему Медведь не указ?

– У нас боярин всем указ, – отмахнулся грек. – А Мирон с Медведем... Не знаю я про их дела. Чего они там не поладили – пусть сами разбираются. Главное, чтобы ко мне не лезли!

– Ну, значит, с Медведем и поговорим, – кивнул Мишка. – Ведь он же тебя и прислал, чтоб нам встречу назначить? Что велел передать?

– Да ничего не велел! – грек немного подумал и вздохнул с некоторым раскаянием. – А может и велел, да я ничего не помню... Как у винодела пили – помню, а потом... Медведя и спрашивай!

Он ещё раз огляделся и сказал уже Макару:

– Если Медведь хочет, чтоб его нашли, то найдется, на то он и Медведь. А юношу этого непременно ему представьте. И от меня передайте – с ним пусть говорит. Разумен ваш боярич на диво, даром, что молод...

Глава 3

Ноябрь 1125 года Окрестности Михайловской крепости

– А ведь вертит чего-то грек! – хмыкнул Макар. – Пьяный-пьяный, а так и не сказал напрямую, зачем его Медведь к нам прислал. Хотя наговорил такого, что мне самому впору похмеляться – вроде и по-нашему, а вот спроси – о чем, и половины не повторю... А вот когда про Медведя – так словно затыкает его. Дурнем прикидывается.

– Ну, главное-то он сказал, – пожал плечами Мишка. – А остальное потом выясним, куда он теперь денется? Медведь его, похоже, прислал выяснить, есть ли тут с кем разговаривать. Что Аристарх ранен, они уже наверняка знают, потому и привёл он грека тебе. Дед в Ратном, а тут из Лисовинов только я. Вот тебе грек и сказал сейчас, что говорить будут со мной. Или ты не понял?

– И что у нас их боярич, значит, он не случайно проговорился? Мол, иди – не сомневайся, все по чести будет... – Макар ещё раз покрутил головой, что-то обдумывая, и кивнул. – Ага... Я-то понял. А скоро и другие поймут. Вот тогда – держи порты крепче, сотник... Пошли! Медведь, похоже, замерз уже, нас дожидаясь.

Далеко идти не пришлось. Едва лишь они углубились в лес, как один из сугробов с краю дороги шевельнулся, поднялся вместе с торчащими из него ветками куста и, отряхнувшись, обернулся укутанным в белый балахон с капюшоном крепким невысоким парнем лет двадцати с коротко постриженной курчавой бородкой и светлыми «ледяными» глазами на загорелом темным «зимним» загаром лице.

Мишка чуть не выругался вслух:

«Вот дьявол! Ведь даже не заметил ничего! Да-а, красиво... Стоп! А чего же тогда те, что на меня летом напали, так лоханулись? Или это другие? Ладно, потом разберемся...»

Макар, впрочем, не сильно удивился, как будто того и ждал: кивнул встречающему, которого, судя по всему, знал в лицо.

– Медведь ждет?

Взгляд пришельца лишь на мгновение задержался на молодом бояриче, но ни вопросов, ни какого-либо удивления Мишкино присутствие не вызвало.

– Ждет, – коротко кивнул «лешак» и, предложив следовать за собой, направился куда-то напрямик через кусты.

Небольшую – шагов пять в диаметре – хорошо утопанную поляну, на которую привел их провожатый, явно приготовили к переговорам заранее. Там, на поваленном стволе дерева восседал тот, кто, по-видимому, и звался Медведем: коренастый жилистый мужик за сорок, в небрежно накинутом на плечи белом балахоне, таком же, как и у встретившего их «бойца».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.